

ВЫПУСК
8

Шиф

приключения фантастика



Рис. И. Кожевникова

Библиотечка «Уральского следопыта»

● ПЛЕННИКИ «ЧЕРНЫХ» ДЫР ● ТЕЛОХРАНТЕЛЬ НАСЛЕДНИКА

● НОВОЕ РАССЛЕДОВАНИЕ МИСС МАРГЛ ● КЕНТАВР ПОЗНАЕТ МИР

— Сергей Сюрсин БРЕДУЩИЕ

...ОБНАРУЖЕНА цивилизация технократического типа, развивающаяся на базе ресурсов планеты. Ограниченность ресурсов и их безответственное истребление дают основания прогнозировать в недалеком будущем энергетический голод и закат цивилизации через сто — сто пятьдесят галактиков. Кризисные явления наблюдаются уже в настоящее время.

В связи с тем, что у разумных обитателей планеты обнаружен РК-контур, находящийся в атрофированном состоянии, решено накинуть на планету РК-сетку сроком на один планетный период, что позволит иницировать РК-контур у жителей плане-

Художник С. Григорьев.

ты и тем самым уведет цивилизацию от технократического, тупикового пути развития и спасет ее от гибели.

(Из бортового журнала флагмана галактической экспедиции «Периметр» планеты Каstellла).

САНЯ медленно брел по ночной улице. Ноги упорно не желали слушаться и вместо того, чтобы идти прямо, все время норовили куда-то увильнуть. В голове порядком шумело от выпитого. Сейчас бы упасть в постель и расслабиться, а как всегда потянуло на подвиги. Вот теперь и плетись по ночному городу из конца в конец.

Вообще, какого черта приглашать на вечеринку ненормальных девиц. Вроде бы и на мордашку ничего, и ножки куда надо вставлены, и все прочее, а вот осечка вышла. Весь вечер за ней приударял, и провожать даже пошел, а тут на тебе, выкуси! Как школяры проторчали в подъезде, наобнимались, нацеловались — и адью. И никакие намеки на позднее время, на сложность дороги до дома ее не проняли. Тьфу! Топаи теперь, Санек, пешочком.

Саня, уныло вздыхая, брел по вымершей пустынной мостовой. Уличные фонари осуждающе глядели ему вслед, а Саня тень, появляясь то слева, то справа, насмешливо убежала вперед или, укоризненно покачиваясь, уплывала за спину.

Потянуло едким тяжелым туманом, в горле противно запершило. Никак опять химзавод, пользуясь темнотой, спускает на город свою отраду. А ведь в ней, как рассказывала Саня одна мимолетная знакомая, работающая в лаборатории охраны окружающей среды, обнаружены и фосген, и синильная кислота, и хлор. Полный набор, чтобы отправить человека на тот свет.

Кашляя и чертыхаясь, Саня припустил вприпрыжку из зоны отравления.

Черт бы их побрал — и завод этот, и его рабочих. А впрочем, так им и надо. Понастроили халуп, облепили своего отравителя, как муравьи слизняка, вот и расхлебывайтесь, братцы, нюхайте на здоровье.

Пробежав немного, пока воздух не стал свежее, Саня перешел на шаг.

Блин, не повезло с девицей, ну да ладно. Хуже другое, завтра на первой паре лабораторка — кровь из носу, а к девяти ноль-ноль надо быть. За прогул практики Химоза шукуру снимет. А потом еще как бобик бегать сдавать будешь... Черт побери!

Задумавшись и отвлекшись от дороги, Саня внезапно упустил из-под ног почву и, нелепо взмахнув руками, упал и покотился вниз по склону. Пока он методом тыка подыскивал, за что бы зацепиться, вынужденное движение прекратилось само по себе. Саня открыл припорошенные пылью глаза и поднялся.

Он находился на дне котлована. Со всех сторон смутно просматривались невысокие бугры, с одного из которых он имел неосторожность скатиться.

— Ох уж эти строители, где только не нароют! — досадливо проворчал Саня. — Да и сам тоже хорош, — теперь внимание было обращено на виновника торжества, — надо поменьше думать и почаще смотреть под ноги.

По-черепашии загребая сухой и сыпучий песок, из которого оказался сложен бугор, балансируя в пыльных шлейфах, он тяжело полез наверх. Песок набивался за шиворот, в волосы, во рту скрипело, от тысяч песчинок тело неприятно зуделось.

Достигнув долгожданной вершины, Саня замер, разинув от неожиданности рот. Где асфальт, дорога, где безликие громады домов, деревья, фонари? Ничего этого не было, вместо них простиралась во все стороны и терялась в темноте холмистая песчаная местность. Ни кустика, ни травинки, лишь освещенные лунным светом ровные пологие вершины холмов. Пустыня...

ЗВЕЗДЫ, равнодушно мерцающие в темном чернильном небе... И ветер... Ледяной, пронизывающий до костей.

Что за ерунда! Где город? Надышался отравы, и галлюцинации начались? И почему так ужасно холодно?

Саня принялся бестолково бегать по холму, не в силах решить, в какую сторону идти, что делать, но тут, вскрикнув от резкой боли в ноге, упал, больно ударившись о какой-то твердый предмет и зажмурив от замельтешившего света глаза.

Кто-то, крепко вцепившись в ногу, упорно старался ее

вая, осторожно высвободил ступню, зажатую капканом из двух валунов. Они-то откуда здесь взялись? Прощупав изъём пальцами и пошевелив ступней туда-сюда, убедился, слава богу, что перелома нет. И вновь внимательно огляделся, не пропало ли наваждение.

Было светло, как будто только наступил вечер, или, быть может, утро. Саня сидел на склоне горы среди каменных россыпей и оторопело смотрел перед собой. Метрах в пятистах россыпи заканчивались, и начинался лес. Редкий, лиственный поначалу, постепенно густел соснами, елями и кедрами, он сплошным темнозеленым потоком скатывался далеко-далеко вниз и через многие километры вздымался вновь крутобоким горным краем.

Чушь какая-то. То город, то пустыня, теперь вот в горы попал. Что, снится это все, или как? Да... Только вот нога, собака, болит по-настоящему.

Саня приподнялся и осторожно встал на поврежденную ногу. Больно, но терпеть можно.

Потихоньку, с камнями на камень, прихрамывая, стал спускаться с горы. Раз уж идти все равно куда, так лучше вниз, к природе, не оставаться же в этом чертовом каменном буреломе.

Подолгу отдыхая, он спускался с горы, и вскоре с обеих сторон картинно громоздилась непроходимая тайга. Ни тропинки, ни единого намека на присутствие человека. Только все усиливающийся шум, идущий откуда-то снизу, из-под ног. Во время очередного отдыха до Сани дошло наконец, что это гомозиты, скрытая под камнями, горная речка. Пить и так хотелось смертельно, но попытки свернуть валуны и добраться до воды ни к чему не привели — слишком глубоко запрятался ручеек. И лишь сделав еще несколько переходов, Саня заметил выбившийся из-под камней небольшой родничок и припал радостно к ледяной, на удивление вкусной воде. И пил, пил, не в состоянии оторваться от этого простого изобилия смилостивившейся над человеком природы.

ОКАЗАЛОСЬ, был вечер. В тени гор сумерки быстро сгустились, и ночь внезапно легла на лес, застав Саню врасплох. Идти стало труднее, и он все чаще оступался и падал. Нога болела зверски. Хорошо еще, что полная темнота наступать не спешила, и, хотя луна пряталась где-то за отрогами гор, все вокруг было подернуто сумрачной белесой дымкой.

«Как в Ленинграде, в пору белых ночей», — подумал Саня.

Вновь увлекшись своими мыслями, он чуть не проскочил мимо подозрительно освещенного участка леса. Мерцающие красноватые отблески на лапах елей и сосен.

Взобравшись на невысокий крутой холмик, он увидел небольшую полянку, плотно окруженную деревьями, и костер посреди нее. Еле переставляя ноги, Саня добрал до костра и опустился на землю, прислонившись к смолисто-му, липкому стволу сосны.

Костер, обложенный со всех сторон каменными плитами, затахал. Узкие язычки пламени изредка вырывались из набрякших удушливым жаром поленьев. Пухлый дым, слоясь, продирался между веток. Немного в стороне, спрятавшись в ельнике, стояла палатка.

Люди! Сердце у Сани дрогнуло. Люди. Конец одиночеству и этой ужасной неразберихе.

— Эй! — позвал Саня негромко, — есть кто-нибудь? В палатке кто-то зашевелился, откинулся полог, и высунулась лохматая взъерошенная голова.

— Чего тебе?
— Переночевать не пустите?
— Можно. А ты что, заблудился?
— Вроде бы.
— Ладно, залазь, укладывайся справа. Завтра разберемся.

Саню разбудило металлическое позвякивание. Открыл глаза, он долго всматривался в колышущийся от ветра полог палатки, вспоминая сумбурную фантастическую ночь, прислушивался к негромкому разговору, треску костра и несмолкающему шуму речки.

Значит, не сон. Он действительно необычным, непостижимым образом оказался в горах, на огромном расстоянии от родных степных просторов. Поверить в это невоз-

можно, действительность в его вере не нуждалась, а пред-
ставала какая есть.

Саня выбрался из палатки.

На поляне горел костерок, по-утреннему задорно и жи-
нерадостно. Возле него возились двое ребят примерно од-
ного с Саней возраста. Один, вчерашний знакомый, лохма-
тый, вороша прокопченные поленья, подкладывал свежих
веток. Второй, светловолосый, коротко остриженный, со-
средоточенно колдовал над котелком, пробуя из него лож-
кой, подсыпая что-то из пакетов и снова пробуя.

Вокруг торчали эдакими чудесами, ботаники частокоры
елей и кедров, заросших у основания непроходимым ку-
старником, выпирали из земли обомшелые гранитные на-
долбы, над зашнурованной каменным поясом речкой на-
висали серые, слегка синеватые скалы. В их растрещинах
ютились карликовые деревца, пробивалась неприхотливая
травяная перхоть. И цветы, вакханалия цветов такой гаммы,
и оттенков, что глазам больно.

— Привет! — буркнул Саня.

— А, вот и наш незадачливый турист, — весело крик-
нул первый. — Как спалось?

— Нормально, вот только под утро промерз малость.

— Это бывает, тем более форма у тебя не совсем под-
ходящая для этих мест, — сказал тот же парень, разглядыв-
вая Санин джинсовый костюм и кроссовки. — Как будто со
званого ужина сюда попал.

— Почти угадал, — отозвался Саня. — Не с ужина, не со
званого, но с вечеринки у друзей — это точно.

— У тебя что, медведи друзья? Здесь на тридцать ки-
лометров ни единой живой души, кроме нас.

— А я не утверждаю, что гулял по соседству. Сам по-
нять не могу, как здесь оказался. Кстати, что за место та-
кое?

— Серебрянка.

— Горы как называются? Мне это ни о чем не говорит.

— Ну, дает! — восхищенно оглянулся стриженный на дру-
жка. — Крепко, видать, вчера загулял, даже в каких горах
— не знает. Урал это, Уральские горы.

— Вот это да! — присвистнул Саня.

— А откуда будешь?

Саня назвал свой город.

— Где это? — спросил лохматый.

— В Казахстане. Не слышал?

— Нет, — помотал тот головой.

— Да заливает он, — подал голос стриженный. — Мои со-
седы туда переехали. Трое суток на поезде тряслись, а он
пехом за ночь пригулял.

— Не заливаю я, ребята, — вздохнул Саня. — Сам не
могу понять, как сюда попал.

— Ну ладно, не хочешь говорить, — не надо.

— Готово, — сказал стриженный. — Давай завтракать.
Рита! — закричал он. — Иди ешь.

Со стороны речки послышался ответный крик, и на об-
рыв вскарабкалась девушка в купальнике, держа в одной
руке полотенце, в другой — котелок с водой.

— Чаек скимятим и посуду помыть останется, — делови-
то сказала она, подходя к костру.

САНЯ опешил. Он никак не ожидал увидеть в этой
глухомани, в этом забытом богом уголке, где, ка-
залось, не ступала нога человека, и только по-хо-
зьяски бродили дикие звери, такую кралечку. Стройная,
худенькая, но с крепкими мышцами и уже вполне разви-
тыми грудью и бедрами, и в то же время смешно торчащи-
ми в разные стороны хвостиками светлых, выгоревших на
солнце волос, она показалась Сане чужеродной, не при-
надлежащей суровому дикому миру. Ее место в городе,
цивилизованном, большом, за столиком кафе или бара,
заставленном «Пепси-колой», «Мартини» и, обязательно,
чтобы играла музыка.

Девочка стрельнула в него голубыми брызгами глаз.
Длинные изогнутые ресницы и густые неухоженные, не
выщипанные в тонюсенькую ниточку брови. Кивнула голо-
вой. — Здравствуйте, — промямлил почему-то одере-
зевшим языком Саня, не отрывая от «кралечки» глаз.

— Поди умойся, — ухмыльнулся лохматый, — завтра-
кать будем. А то нам еще на вершину сбегать надо.

Саня присматривался, но тут же, охнув, быстро седл обратно,
схватившись за ступню.



— Не будьте спящую собаку, — нелепо процитировал
какой-то кинофильм. — Не чапай — богэпнет. Ай, как боль-
но.

Ребята склонились над ногой, стянули обувь и принялись
по очереди ощупывать посиневшую, раздувшуюся ступню.

— Ничего страшного, — объявил квалифицированно стри-
женный, — будешь жить. Вывихнул чуть-чуть. Ритка, — при-
казал он девочке, — у тебя где-то бинт был — носи живо!

Рита нырнула в палатку, повозилась там и вылезла с па-
кетом в руке. Втроем они туго перебинтовали Саню ногу.

— Вот так будет лучше, — сказала Рита. — Ты только
поменьше ходи, отлеживайся, ногу не тревожь. Тогда бы-
стро пройдет.

Она полила Саню из котелка, и он сполоснул лицо, при-
лучшее после вчерашней вечеринки, казавшейся уже такой
далекой, нереальной, и все устроились у костра и стали
прихлебывать горячий, прямо с жара, пахнущий костром
и еще чем-то лесным, смолистым и ароматным, суп прямо
из котелка.

По ходу завтрака выяснилось, что лохматый — это Коля-ка, стриженный — Володька, а Рита — Володькина сестра; выяснилось также, что ребята живут километрах в пятидесяти отсюда, в небольшом городке, в холмистых предгорьях Урала; «на природу» выезжают регулярно, так как в городе скучно, а горы затягивают, как магнит.

КОГДА с едой было покончено. Саня, щипанув, угостил ребят сигаретами «Мальборо» из помятой в ночных похождениях пачки.

— Пожалуй, ты действительно забрал издалека, — Коля с интересом разглядывал сигарету. — У нас такие не водятся.

— Зря вы не верите, — отозвался Саня. — Я и сам бы не поверил, да и до сих пор не верю, потому и объяснить толком не могу.

— Давай-ка Расскажи все по порядку, — сказал Коля, — может, вместе и разберемся.

— Шел я, значит, вчера вечером, вернее, уже ночью по городу от одной... — Саня, поймав взгляд Риты, переставшая мыть посуду и по-детски приоткрывшая рот, смеялся, — вечеринки, в общем, от друзей. Выпили мы там прилично, а автобусы не ходили...

Когда Саня закончил рассказ, ребята долго молчали, пытались проникнуть в необычность ситуации.

— М-да, — протянул Коля, — это, должно быть, из области фантастики. Володька, — обернулся он к товарищу, — ну-ка, прокомментируй. Ты ведь спец по этой части. Фантастику любит, — объяснил для Сани.

Володя старательно почесал затылок: — Это, по-видимому, искривление пространства... Пространственная дыра. Саня в нее попал, вот его и перенесло к нам.

— Да к тому же не одна, а две «дыры», — поправил Коля. — Он же сначала в какую-то пустыню угодил.

— В Каракумы, наверно, — несмело поддала голос Рита.

— Нет, — засомневался Володя, — в Каракумах сейчас лето, как и здесь. Там жарко. А в Саниной пустыне было холодно, зима. В Африку, пожалуй, в Калахари, или в Австралию, в пустыню Виктория. Там сейчас зима.

— Фу-фу-фу! — вскопился Коля. — Убей меня, не укладывается в голове, Чуть собачья! Пойдем специально проверим эту «дырку!» Разберемся!

— Слушайте, ребята, примите добрый совет от пострадавшего, не лезьте на рожон, — попытался остановить их Саня.

Коля в ответ только весело рассмеялся. Исследователи суперпространственных дыр стали собираться. Рита, скользя в палатку, почивала уже в ярком красно-сине-желтом нейлоновом альпинистском костюме, который она называла «анораккой». «Импорты», — оценил Саня. Он сделал еще одну попытку отговорить ребят, но те только замахали руками.

— Шутники! — фыркнул Коля. — Где это видано — быть в горах и не подняться на вершину. Быть у «дырки» да не приобщиться. Покая потом не найдем. Ты себе лежи, ногу не тревожь, а то тяжело возвращаться будет. Разденься, позагорай — здесь солнце хорошее, загар быстро ложится, как у моря. Мы часа через четыре вернемся. Если медведь заявится, сильно не пугайся. Он вообще-то мирный. Там, в палатке конфеты, — бросил ему.

РЕБЯТА ушли, заронив Саню в душу тревогу. Медведя еще не хватало! А вдруг он не такой уж жирный? Саня посидел у палатки, с опаской поглядывая на таежные заросли, но постепенно успокоился и хотел было уже раздеться и позагорать, но, представив свое изнеженное, заросшее жирком с дряблыми кисельными мышцами тело рядом с поджарыми, мускулистыми ребятами, отказался от этой затеи, хотя припекало уже прилично. Не хотелось красоваться таким перед Ритой, сравнение было не в его пользу. Ограничился тем, что скинул куртку да закатал рукава рубашки.

В томной бездеятельности медленно текло время. Возвращение состоялось гораздо раньше, чем он ожидал. Сначала послышались звуки торопливых прыжков по валунам, затем на обрыв вскарабкалась Рита.

— Из дальних странствий воротясь, — нараспев приветствовал ее Саня, но тут же осекся. — Где остальные? Растрепанная, тяжело дышащая, Рита подбежала к нему и разрыдалась.

— Пропали, исчезли в твоей «дыре», — вздохнул, сквозь слезы, говорила она. — Я последняя шла, а они... Володя впереди шел, он первый... Коля закричал ему вслед, бросился туда и тоже... Что теперь будет, что делать?

— Ну, ничего, ничего, — Саня притянул Риту к себе, прижал ее голову к своему плечу и стал поглаживать по спине, неумело успокаивая. — Вернутся. Может, сейчас уже спят там, тебя ищут.

— Да! — обрадованно вскинулась девчонка. — Я сейчас схожу туда, а не то взаправду потеряют.

— Не ходи. — спохватился Саня. — Сами придут, поищут и придут. А тебе нельзя — опасно. Еще попадешь нечаянно туда же.

— А вдруг не придут? — не унималась Рита. — Надо вниз, в поселок людей звать на помощь.

— Погоди, не спеши, — урезонивал Саня лихорадочно метавшуюся девчонку, но, видя, что его уговоры не действуют, неожиданно для себя властно прикрикнул:

— Не мечись! Давай спокойно обдумаем, сядь! Рита приутихла, перестала даже плакать и, присев на камень, с надеждой смотрела на него.

Саня в глубине души понимал, что ребята пропали так же, как и он, и вряд ли смогут скоро вернуться. Но не говорить же об этом перепуганной девчонке. Надо как-то удержать ее от опрометчивых поступков.

— Далеко отсюда до ближайшего поселка? — спросил он.

— Километров тридцать.

— Далековато. Ночью только доберемся, если повезет. А вдруг Коля с Володькой объявятся, а нас нет. Представляешь, что они могут подумать? Да и людей зря сбаламутим. Если ребята не вернутся, завтра утром пойдем за помощью. Как раз засветло доберемся, да и мне идти полегче будет, — нога подмигивает.

Рита молча кивала в знак согласия. Посидев немного у палатки, она спустилась к речке. Саня встревожился и на всякий случай, чтобы не терять ее из поля зрения, незаметно устроился в кустах на краю обрыва.

РИТА сидела на камнях, отрешенно подставив ладонь под струйку небольшого водопада, и тоскливо вглядывалась вверх, — туда, где каменная россыпь речки, плавно изгибаясь, терялась в лесной чаще. В своей печали она была так загадочно притякательна, что у Сани впервые остро, незнакомо защемило сердце. Что-бы отвлечься да и ее вырвать из этой печали, Саня крикнул:

— Рита, давай обед готовить. Ребята вернутся голодные, а у нас в котелках пусто. Набери воды, а я костер разожгу.

Рита нехотя поднялась.

В хлопотах и разговорах быстро пролетело время. Наступил вечер, а за ним сумеречная белая ночь. Ребята не возвращались, и чем дальше, тем все меньше, иллюзорнее становилась надежда на их возвращение. Да и как бы они вернулись? Саня в пустыне вошел в ту же «дыру», из которой вышел, но оказался не дома, а на Урале. Так же и они, наверно, блуждают сейчас бог знает где. Одна надежда, что с ними ничего не случится. Ведь он-то не пропал, не погиб. Мир не без добрых людей — встратят, накормят, домой помогут вернуться.

— Ты тоже домой вернешься? — спросила Рита.

— Да. Сяду на поезд — и через три дня дома. — Саня осмелел. — Вот только надо с одной знакомой переговорить да забрать ее с собой, если захочет.

— У тебя знакомые здесь есть? — удивилась Рита.

— Да.

— Кто?

— Ты.

Рита смутилась, отвернулась и принялась ворошить угли в костре.

— Так что бы сказала эта знакомая? — решил довести разговор до конца Саня.

— Она бы сказала что ты слишком торопишься, — помолчал, фыркнула Рита.



Она встала и ушла в палатку. Саня, посидев еще немного, последовал за ней. Нащупав в темноте край одеяла, забрался под него и закрыл глаза.

Сон упорно не шел. Саня устраивался и так, и эдак, но все бесполезно. Как странно — впервые было так, что спит вдвоем с девчонкой и без всяких этих.

Рите, по-видимому, тоже не спалось, тоже ворочалась на жесткой подстилке. Наверно, думает о нем, о Сане.

Саня, осмелев, протянул в темноте руку и коснулся ее плеча. Рита нуть вздрогнула, но промолчала. Рука осторожно поползла по плечу, дуновением ветерка обласкала шею, спустилась к затылку в лиф упругой, похоже еще не целованной, девичьей груди, пошла ниже...

Резкий рывок откинул, чуть не вывихнув, руку. Рита взвилась и отскочила.

— Ты что? — часто дыша, прошептала она.

— Нравись ты мне.

— Раз нравишься, значит, все можно?

— Чего ты боишься, дурочка... — потянулся к ней Саня.

— Только пошевелись, — рванула Рита полог палатки, — в лес уйду.

— Ладно, ладно, не буду, — откинулся, приходя в себя, Саня, — ложись, все кончилось.

САНИЯ проснулся от постороннего звука. Светало. Сумрак в палатке уже рассеивался, и было прохладно и по-утреннему сыро.

Возле палатки кто-то ходил. Или стучал. Временами хорошо слышался зубовой скрежет.

«Медведь! — похолодело у Сани в груди. — А ну, как в палатку заберется?!»

Он хотел встать, но не смог. Во сне Рита подкатилась Сане под бок и теперь спокойно спала, уютно устроившись на его руке.

Саня нащупал ногой тесор, припрятанный им вчера на всякий случай у входа, и с немалыми трудностями, осторожно, чтобы не разбудить Риту, подтянул его к себе. Теперь, когда рука сжимает деревянную рукоятку, когда вливаются через нее сила и смелость, уже не кажется себе таким беззащитным и хочется, как древнему человеку, грудью встать навстречу грозным стихиям для защиты себя, своей семьи, своей женщины, которая сейчас спокойно спит, доверившись тебе.

В палатку никто не врывается, но топот и зубовой скрежет продолжались до рассвета, а потом внезапно все стихло. Саня отпустил топор и пошевелил онемевшей рукой. Слава богу, все кончилось хорошо, медведь ушел. Саня скосил глаза! Рита спала, не ведая о смертельной опасности, грозившей им минуту назад. Даже не шелохнулась, лишь изредка посапывала во сне.

Нежность наполнила Саню, нежность к этой девчонке, еще вчера совсем незнакомой, а сейчас ставшей самой близкой, самой родной на свете. Он осторожно наклонился и коснулся губами ее волос, бархатистой, покрытой светлым пушком щетки.

По лицу Риты пробежала гримаса; она отмахнулась рукой, как от назойливой мухи, и повернулась на спину. Глаза ее раскрылись, бежали потолок, стены палатки и замерли на Сане, прочитав в его взгляде что-то новое, удивительное. И тогда глаза загорелись, в них засветились нежность, ласка. Но тут же мимолетное воспоминание затенило эти чувства, лицо ожесточилось, и Рита, вскочив, откинула полог и выскользнула из палатки. Саня, кляня себя за вчерашнее, виновато полез следом.

Рита умывалась внизу на речке. Он спустился с обрыва и направился к ней. Девушка молчала, не обращая на него внимания.

— Рита, — язык не слушался, но Саня переселил себя, — извини меня... Я... Пожалуйста!

Рита выпрямилась, бросила на него холодный взгляд и молча прошла к палатке. Сане ничего не оставалось, как тоже умыться.

Ощущение неловкости не проходило — молча приготовили завтрак, молча поели, искоса поглядывая друг на друга. Затем Рита занялась посудой, а Саня закурил.

— Ночью медведь приходил. — Рита молчала. — Топтался вокруг палатки, зубами скрежетал от голода. — Поймай ее заинтересованный взгляд, Саня расписал, не скупясь на эпитеты, бессонную ночь, свои страхи, ожидание с топором в руке.

ВЫСЛУШАВ его рассказ, Рита звонко рассмеялась и, нагнувшись, схватила что-то с земли и бросила Сане. Это оказалась шишка. Кедровая шишка, наполовину кем-то обгрызенная. Саня недоумевающе поднял глаза.

— Это кедровка была, — пояснила Рита, — видишь, шишки грызла.

Действительно, вокруг были разбросаны шишки. В одних орехи выщелушены полностью, в других — наполовину, попадались и целые.

— Это она нам оставила на угощение, — сказала Рита.

— А кто это — кедровка? — спросил Саня.

— Птица, смахивает немного на ворону, только поменьше.

— Птица? Вот это да! Ну и смельчак же я, — захохотал Саня. — С топором, ха-ха-ха, на птицу...

Рита звонко вторила ему.

Смех рассеял воспоминания ночи. Становилось легче и свободнее. Лишь не высказываемые больше вслух мысли о судьбе ребят тяготили обоих.

Они сложили в палатку, которую решили оставить на случай возвращения ребят, вещи, забрав с собой самое необходимое да немного продуктов, написали записку и, затушив костер, двинулись вниз, к далекому поселку. Идти пришлось опять по каменной речке, иного пути не было. Саня, нагружившись рюкзаком, несмотря на уговоры Риты, беспокоящейся за его ногу, чувствовал себя прекрасно. Нога окрепла и почти не болела. Жаркое солнце прыгало вместе с ними с камня на камень, горный воздух, насыщенный ароматами хаои и трав, не облагороженный примесями из заводских труб и выхлопными газами, проникал во все поры и будоражил мысли; неумолчное журчание ручья, превратившегося постепенно в бурную строптивую речушку, влетало в неразрывной нити в их разговор. Так, прыгая с одного гладкого, обработанного речкой валуна на другой, помогая друг другу в труднопроходимых местах и радуясь той мимолетной, никем не нарушаемой близости, занятые только собой, они незаметно прошагали около двух часов, когда в их уединение внезапно ворвался какой-то непрерывный вой.

— Что это? — прислушалась Рита, — не могу понять. Во всяком случае, не лесной зверь.

— Конечно, — отозвался Саня, недовольный появлением третьего. — Это автомобиль сигнализирует.

— Какой автомобиль? — возразила Рита. — Как он сюда заберется? Не то что дороги, тропинки нет.

— Определенно, автомобиль, — настаивал Саня, — Пошли посмотрим.

Они взобрались на обрыв и стали пробираться сквозь заросли на непрекращающиеся сигналы. Обойдя невысокую скалу, преграждавшую путь, удивленно остановились.

У подножия скалы, уткнувшись в нее передком, стоял автомобиль: двухместный, без верха и изрядно помятый. «Модель не наша», — определил Саня. В автомобиле сидел человек, обхватив руками руль, прижавшись к нему и как будто заснул.

— Стой! — схватил Саня дернувшуюся Риту, но она, вырвавшись, подбежала к машине и, осторожно приподняв человека за плечи, прислонила к спинке сидения. Замолк освободившийся клаксон, и тишина вновь воцарилась над лесом.

— Господи, да что такое? Ведь нелепость, нелепость, — плачуще шептала Рита, указывая Сане на водителя, мужчине лет сорока, с разбитым в кровь лицом. — Как он здесь оказался? Это же невозможно!

В САМОМ деле, кругом стоял нетронутый лес, одни изломанные кусты да примятая трава определяли путь автомобиля до финиша у скалы. Саня, инстинктивно чувствующий опасность, не рискнул пойти по следам, а взобрался на скалу и осмотрелся.

Следы начинались недалеко, метрах в десяти от машины. Возникая из ничего, среди зарослей, вильнуя по склону с намерением уклониться от натянутых повсюду кедров, заканчивались под скалой. Ни спереди, ни сзади следов больше не было. Саня недоверчиво покачал головой, посмотрел даже на всякий случай вверх, — вдруг самолет или вертолет обронил? — но сплошная, без «кокон» и проплешинок, крона леса говорила о нелепости его догадки.

Саня медленно слез со скалы.

Рита хлопотала возле водителя, еще не пришедшего в сознание.

— Целый вроде бы, только голову разбил, — сообщила она.

— Его заросли спасли, скорость снизили, — сказал Саня, бессильно опускаясь на землю. — Рита, будь осторожна, там еще одна «дыра».

— Какая «дыра»? — спросила Рита и замолкла, беспомощно смотря то на Саню, то на раненого, то на теряющиеся в зелени следы.

— Что-то с нами случилось и очень серьезное. С нами, с этими горами, а возможно, и со всей страной или даже планетой,

— Ой, Санечка! — всхлинула Рита, прижав ладони к лицу, — что же теперь будет?

— Не знаю, — вздохнул Саня. — Знаю одно — надо идти. В поселок, в город — куда угодно, лишь бы к людям. Выяснить все. Можем, конечно, и не дойти, в «дыру» попасть. Думаю, это не последняя — еще на нашем пути попадет.

— Нет! — закричала Рита. — Санечка, милый, дорогой, только не это. Страшно! Лучше никуда не пойдем.

— Будем жить, как первобытные люди, да? — невесело усмехнулся Саня. — С медведями воевать... летающими. Нет, здесь мы не выживем. Зима наступит — с голоду и холоду умрем.

— Хорошо, — опустила голову Рита, — пойдем. Ты только... — подняла она глаза. — Саня, я без тебя одна... — голос ее сошел на шепот, — не смогу.

Саня, не сводя глаз с нее, медленно поднялся и приблизился.

Девушка доверчиво прильнула к нему.

— Рита, — зашептал он лихорадочно, прижимая ее к себе и чувствуя, как просачиваются сквозь рубашку на груди ее слезы, — не бойся. Я тебя никому... никогда... Мы штурмом обяжемся. Нет, будем держаться за руки... И чтоб ты от меня ни на шаг... Слышишь, милая?

— Да, — Рита высвободилась из объятий и кивнула на раненого, — а что с ним делать?

— С собой возьмем. Не погибать же ему здесь одному. Я пойду на речку за водой, а ты попробуй привести его в чувство.

— Я с тобой, — испуганно проговорила Рита.

Они вместе сходили к речке, набрали воды во фляжку и, вернувшись, стали обмывать лицо раненому. От ледяной воды незнакомец застонал, шеельнулся и открыл глаза.

— Эй, вставай! — затряс его за плечо Саня, водитель застонал, схватился рукой за грудь и закашлялся.

Рита сердито прикрикнула на Саню и ласково погладила раненого по щекам, груди, что-то нашептывая при этом. От ее прикосновений раненый успокоился и уже осмысленно посмотрел на ребят, окинул взглядом разбитое лобовое стекло, скалу, стоящий стеной лес и что-то невнятно произнес.

— Ничего не понимаю, — пожал плечами Саня.

Н ЕЗНАКОМЕЦ встревоженно обернулся к нему и быстро заговорил, пытаясь приподняться, Рита, укоризненно посмотрев на Саню, прижала ладонь к губам раненого и мягко принудила его откинуться на сиденье.

Ребята отошли в сторонку и сели на траву.

— Это не наш, — сказала задумчиво Рита, — не по-русски говорит.

— Да, — согласился Саня. — Я не совсем уловил, но похоже, что английский.

— Во всяком случае не немецкий, я в школе изучала.

— А я английский изучал, но все равно ни дьявола не помню. Тяжело дается, особенно, когда в тебя адалбливают.

Они замолчали. Раненый неподвижно лежал в машине.

— Может, костер разожжем да пообедаем, пока он оживет, — предложил Саня.

— Нет, только не здесь, — опасливо покосилась Рита на помятые кусты. — Дойдем до Кедрового, там и пообедаем.

— Это далеко?

— С часу ходу. С ним, конечно, подольше будет. Но идти легче. Вон там, за горюшкой, начинается тропка.

Незнакомец зашевелился, прервав их разговор, подергал ручку заклинившей двери и, убедившись в тщетности своих попыток, неуклюже полез через верх. Рита аскачила, чтобы помочь ему, но Саня остановил девушку, притянул к себе:

— Пусть сам. Дорога дальняя, нельзя с ним, как с маленьким возиться.

Выбравшись из машины, человек приблизился к ним, уселся на землю и заговорил. Саня, слыша вроде знакомые слова, пытался увязывать их друг с другом, но ничего не получалось. Незнакомец смолк и в ожидании ответа смотрел на ребят.

— Слик инглиш? — решил Саня.

— Йес, йес, — вскинулся водитель, но тут же застонал и схватился рукой за голову, недоуменно ощупывая повязку.

— Все о-кей, гуд, — успокаивающе сказал Саня, демонстрируя свои способности.

Незнакомец опять что-то спросил, но Саня только задумчиво смотрел в небо. Рита сидела с серьезной миной, подавляя готовый вырваться смех от Саниных попыток преодолеть языковой барьер.

Наконец незнакомец произнес первую фразу, понятную Сане.

— Вот из ит? — и обвел рукой контур.

— Ит из э... — зачесал Саня затылок, — горы, лес, — не получалось, — Урал. Ит из Урал.

— Вот из Урал? — не понял, по-видимому, тот.

— Советский Союз, — вступилась Рита.

— Вот? Совет Юнион? Йес? — ошеломленно выпучил глаза незнакомец.

Саня кивнул.

Незнакомец залился потоком слов, но Саня только молтал головой. Рита была уже не в силах сдерживаться и весело прыскала от Саниной мимики.

Изрядно помявшись, Саня выяснил, что зовут его собеседника Мэнс, что он из Англии, из Плимута, а вот куда и зачем направлялся — так и не понял. Англичанин в свою очередь не смог понять из Саниного объяснения, как он мог очутиться, минув все границы, в центре Советского Союза, а когда Саня сводил его на скалу и показал путь автомобиля, вообще пал духом и только шептал что-то себе под нос.

ВРЕМЯ поджимало, да и на душе было беспокойно от опасной близости «дыры», и, частью словами, частью жестами и мимикой объяснял Мэнсу, что нужно следовать за ними, спутники двинулись к речке. Рита теперь неотступно шла рядом с Саней, крепко сжав его ладонь и с опаской поглядывая на предательские заросли. Мэнс, все также бормоча, плелся сбоку, изредка оглядываясь назад, где остался не нужный теперь автомобиль.

Спустившись еще метров на пятьсот по речке, Рита нашла по знакомым только ей приметам тропинку, и они углубились в лес.

Могучий лес полностью покрыл кронами солнце и небо, создав внизу тенистый влажный полумрак. Душный, настоящий на прелом запахе хвои воздух тяжело сдавливал грудь. Ноги то и дело скользили и спотыкались на каменной тропе. Сверху приходилось перелезать через рухнувшие трухлявые стволы, то здесь, то там загораживающие дорогу. Даже в таких случаях, хотя это сильно затрудняло движение, Саня не рисковал выпустить маленькую девичью ладонь из своей руки. Особенно тяжело было идти Мэнсу, не до конца оправившемуся после аварии. Ребята попеременно помогали ему, фактически тащили на себе и поэтому, когда вышли на большую поляну, яркую от освобожденного из плена ветвей солнца, с трудом поверили, что дошли. Это был Кедровый, где Рита намечала пообедать.

Выдохшиеся мужчины попадали на траву, а Рита, скинув с себя мокрую от пота одежду и оставшись в одном купальнике, принялась распаковывать рюкзак, вытаскивать из него продукты и посуду.

— Нечего валяться, — сказала она, — собирайте сучья и разводите костер.

— Погоди немного, — чувствуя, как ноет в теле каждая косточка, заворчал Саня, — дай отдохнуть. И сама отдохнись.

— Костер разожгите — тогда отдыхайте. А я не устала — не в первый раз хожу, закаленная, — засмеялась Рита.

Но, взглянув на изможденные лица спутников, сменила гнев на милость:

— Ну ладно, отдыхайте, а я пока за водой схожу... — Она подхватила котелок и пошла в ложбинку, где чуть слышно журчал родник. Саня лениво следил за ней, мечтая о том, что было бы хорошо больше никуда не идти, лежать и лежать здесь, на залитой теплом и светом поляне, а не блуждать звериными буреломами.

И тут случилось то, чего он больше всего боялся. Рита,



шедшая плавной походкой и бесечно размахивающая котелком, Рита, которую он, как ребенка, всю дорогу держал за руку, чтобы не потерять, не различить ненароком — вдруг исчезла. Только что была, стояла в глазах ее худенькая полуобнаженная фигурка, — и вот нет ее. Лишь стебли травы качаются там, где она шла секунду назад.

Саня автоматически поднялся, боясь поверить в случившееся.

— Рита! — закричал он. — Рита!

Хлюпающе завозилось эхо и завязло в чащобе.

Саня рванулся к «дыре», но крик перепуганного попутчика остановил его. Да, да. Сначала третий... Он подхватил рюкзак, выкинул из него хлеб и несколько банок консервов и, не обращая внимания на взвизги Мэнса, устремился к «дыре».

Нуль-переход, бред пространственной пустоты... Но у страха не было времени бороться с решимостью. Не успела по спине распознаться муравейником чесотка мистической жути, а ноги уже сделали последний шаг в неизвестность.

МОМЕНТ перехода Саня не заметил. Только что вокруг него был лес, нога ступала на покрытый мхом камень, и вот он уже бежит по пыльной, высушенной солнцем степи. Ошеломленно оглядываясь, Саня с ужасом убеждался в реальности перемены и необратимости своей потери.

— Рита! — кричал он, но ответом было молчание. Только стрекот кузнечиков, дальняя трель жаворонка да шелест ветра, запутавшегося в седой бахромке ковыля.

На было ее здесь, Риту, не было во всей ровной, как скатерть, пустынной от горизонта до горизонта степи.

И тогда он упал на землю и заплакал. Не думая о том, что кто-то мог увидеть его слезы. Пусть видят, пусть думают, что хотят — ему все равно. Как вернуть Риту, милую смешливую девчонку? Как найти ее в этом необъятном, свихнувшемся мире?

Слезы немного облегчили Саню. Надо идти, искать. Не сидеть здесь, сложа руки, не ждать, а хоть что-то делать.

Страхнул оцепенение и встал.

Вдали, у самого горизонта, в жаркой дымке миражей парили и какие-то приземистые постройки. Похоже, село. Что делать? Идти туда или вернуться назад, в «дыру». В селе Риту нет, это точно, не могла она за такой короткий промежуток времени дойти до него. В противном случае Саня заметил бы ее издаലെка.

Неожиданно его мысли приняли другое направление.

Что же произошло с нашей тихой мирной Землей, отчего она словно сбесилась? С этим надо разобраться в первую очередь, тогда поиски, вероятно, будут легче вести.

Обдумав все, Саня решил идти в поселок, выяснить в отношении «дыр», что удастся. Чтобы легче было идти, он решил выкинуть из рюкзака все лишнее. Неожиданно в руках Сани оказалась Ритина «аноракка». Он тяжело вздохнул, представив Риту, в одном купальнике, на центральной улице какого-нибудь восточного города, под холодным осенним дождем, под снежными буранами Арктики...

Саня аккуратно свернул курточку и бережно уложил ее на дно рюкзака. Искать, как можно быстрее, идти и искать!

Взвалив на плечи рюкзак, Саня зашагал в сторону поселка.

Но дойти ему не удалось. Где-то на втором километре Саня провалился с головой под воду. Наглотавшись от неожиданности, он судорожно выгреб на поверхность. Не на шутку перепуганный, кашляя и отплеываясь, поплыл к находящемуся в метрах в пяти берегу.

Он опять угодил в «дыру» и на этот раз, по-видимому, оказался в тропиках Африки или Америки. Из воды тут и там торчали кражистые замшелые стволы. Было удручающе жарко и противно от гнилостных испарений. Ухватившись за свисшие над закишей водой лианы, Саня выбрался на берег.

Куда идти? Назад, к «дыре», не вернуться — она где-то в реке, а где — точно не определить. Остается — вперед, по ядовито-зеленому болоту, трясине и пиявкам до новых «дыр». При воспоминании о пиявках Саню передернуло. С «дырами» откровенно не везет, и изволь кормить пиявок. Кто тогда Риту спасет?

При мысли о Рите Саня набрался решимости и тяжело побрел, проваливаясь по колено в засасывающий ил, в глубокие чащи.

Через какое-то время стали встречаться острожки суши, вначале маленькие, потом все больше и больше, и наконец Саня, облепленный тиной и грязью словно водяной, вполз на глинистую возвышенность, стащил с себя рюкзак и растянулся на земле.

Хотелось пить, но вода в болоте вызывала отвращение; хотелось есть, но не было сил пошевелить ни ногой, ни рукой.

Отлежавшись, Саня достал из рюкзака тушенку, открыл припасенным предусмотрительной Ритой ножом и, орудия им как ложкой, опорожнил банку. Сил прибавилось, отжав и очистив сколько мог одежду от грязи, вновь шел по лесу, надеясь напасть на новую «дыру».

Начиная привыкать к передвижкам, то и дело сваливающимся на голову, Саня инстинктивно переставлял ноги и бестрепетно воспринимал зеленый, визжащий, скулящий, рыкающий кошмар, наваливающийся на него изо всех трю-

пических сил. Ваарху, а кронах деревьев, кто-то дико и неистово визжал.

В ДРУГ мерные ритмичные звуки проникли в его сознание. Он остановился, замер. Сквозь какофонию джунглей пробивались глухие удары, будто кто-то лениво, с перерывами, бил в барабан. Звуки были явно искусственного происхождения, не похожие ни на шум водопада, ни на раскаты грома.

— Люди! Где-то недалеко! Неважно, какие, наважно, ди-кари это или даже людоеды, главное — люди, разумные существа.

Торопливо разрубая ножом загораживающие пути лианы, Саня бросился на звуки барабана, опасаясь, что они могут прекратиться и он останется один в этом диком страшном лесу.

Увлечшись, он чуть не наступил на шевельнувшийся под ногой пестрый ствол, но в последний момент отпрянул, побледнев и выпучив глаза. Лиана подняла один кончик, на котором закачалась мерзкая треугольная головка с мелькавшим раздвоенным язычком, и сердито зашипела. Саня замер, крепко сжимая в руке бесполезный нож и боясь отвести глаза в поисках подходящей ветки.

Змея, покачавшись немного в боевой позиции и решив, что это неподвижное двуногое существо опасности не представляет, успокоилась и стружкой утекла в бурелом. Саня, проводив ее взглядом, обошел стороной опасное место и, стараясь унять бешено стучавшее сердце, медленно двинулся дальше, с опаской поглядывая под ноги.

Лес поредел, появились тропинки, и Саня вышел на широкую прогалину. На прогалине в живописном беспорядке расположились конусообразные хижины. Бой барабана, оглушительный и однотонный, доносился с дальнего конца селения, где собралась большая толпа темнокожих, почти голых людей.

При виде столь многочисленного актива Саня немного струхнул. Но деваться было некуда, надо налаживать контакт, и он медленно, с предупреждением поглядывая на туземцев, зашагал к ним.

В НЕЗАПНО негромкий оклик остановил его. Саня, стараясь не делать резких движений, повернул голову.

У ближайшей хижины стоял человек светловолосый, с белой кожей. Обыкновенный европеец.

— День добже! — приветствовал он.

— Здравствуйте, — запынаясь от неожиданности, отозвался Саня.

— Русский?

— Да, — обрадовался Саня.

Разговорились, Саня рассказал свою историю, товарищ по несчастью — свою. Поляк, родом из Щецина, немного знает русский язык и даже бывал в Белоруссии, где у него живут родственники. Сегодня утром Станислав, так звали поляка, возвращался с ночной смены и вместо двухкомнатной квартиры с удобствами угодил прямо сюда. Станислав махнул рукой в сторону толпы:

— Вон там, в том самом месте и появился. Туземцы меня сначала чуть было на копы не подняли. У них несколько человек пропало, и они, видно, думали, что это моих рук дело. Но не тронули, поняли, что я ни причем, — сам в таком же переплете оказался. Теперь вот собрались, колдуют, заклятые хотят снять.

— И ты весь день здесь сидишь? Выбираться не собираешься?

— Как отсюда выберешься? — пожал плечами Станислав. — Городов поблизости нет, дорог — тоже. С ними пока побуду. Тут ты еще появился, — вдвоем веселее будет.

— Не останусь, — отрезал Саня. — Дальше пойду. Я человека одного ищу, задерживаться мне нельзя.

— Ну и как думаешь выходить? По джунглям? Бесполезно. Звери до нашего брата лакомы.

— Через «дыру» пройду, над которой туземцы колдуют. Хочешь, давай вместе?

— Нет, — Станислав побледнел. — С меня довольно и одного раза. Чем жизнь бог знает за что рисковать, лучше тут отсидеться, живым и здоровым.

— Рисковать придется, на спорю, но я должен найти

того человека. Весь мир обойду, а найду. И погибнуть мне никак нельзя, иначе и он погибнет.

— М-да, — протянул Станислав, — программа у тебя сложная. А потому не спеши, отдохни, переночуй, а завтра с утра и иди. Силы-то подрастратил, второй раз можешь и не выплыть. Может, глядишь, и я с тобой завтра надумаю.

— Хорошо, — согласился Саня. — А сейчас покажи «дыру».

Они встали и направились к толпе.

ТУЗЕМЦЫ, низкорослые, курчавые, с обнаженными телами, расписанными яркими красками, сгрудились на краю поляны, сжимая в руках копыя. Перед ними бесновался в страшной клякастой маске шаман, выкрикивая заклинания и ударяя в подвешенный на груди барабан. На его визги воины реагировали воплями и упрямствами в копьеметании. Копья вонзались в землю и мерно раскачивались, вызывая в толпе довольные возгласы.

— Здесь «дыра», — Станислав указал на истыканный копыями участок.

В это время какой-то абориген, достигший, вероятно, высшей степени экстаза, крича, выскочил вперед и с копьём наперевес атаковал заколдованное место. Должно быть, бедняга решил, что злой дух, истыканный вдоль и поперек копыями, при последнем издыхании, и задумал стяхать лавры завидного торжества. Но не успел — исчез прямо на бегу с занесенным для удара копьём. Перепуганные соплеменники шархнулись в разные стороны. Остались только шаман и седой старый туземец. Седой подошел и что-то заговорил, указывая на торчащие в заколдованном кругу копыя и вопросительно глядя на Саню.

— Хочет, чтобы ты объяснил, — сказал Станислав. — А я отчаялся — сам теряюсь в догадках.

Саня подумал, подошел к ближайшей хижине и поднял лежащий около нее плод, напоминающий маленькую тыкву. Потыкал пальцем в тыкву и широко развел руками, слезно стараясь объять необъятное — изобразил мироздание, Землю. Позвращая вокруг камешком и сунув пальцем в небеса, обозначил Солнце. Седой и снявший маску шаман усиленно закивали головами. Тогда Саня раскрыл ножик и с размаху всадил его в тыкву так, что лезвие прошло насквозь. Изобразил в жестях и перенес на тыквенную наглядность — ныряет в начале лезвия и всплывает, где конец. Поднял руку с четырьмя оттопыренными пальцами и со значением коснулся своей груди, поясняя, что нырял уже четыре раза.

Оставшийся вечер Саня служил диковинкой для туземцев. Постоянно возле него толпились, оживленно гомонили, размахивая руками, щипали, чтобы убедиться в реальном существовании бледнолицего полубога. Особенно досаждали особы женского пола, щеголяющие подчеркнуто выпячиваемой наготой.

Но плюсы перевешивали минусы: за весь этот сумбурный день Саня действительно подкрепился по-настоящему. Плод, похожий на тыкву, в сочетании с оранжевыми фруктами размером с яблоко, пришлось бы по вкусу любому гурману, не говоря о советском человеке, попавшем в затруднительное положение. Должно быть, с неспривычки, Саню быстро разморозило, и он, забравшись в хижину, осиротевшую после канувшего в «дыру» хозяина, мгновенно уснул.

ПРОСНУЛСЯ поздно. Селение опустело, жители разбрелись по лесу, занятые своими нехитрыми делами, и только изредка встречались хозяйничавшие по дому женщины да весело гомонили у реки ребятишки. Станислава он тоже нашел на берегу. Тот успел искупаться и теперь безмятежно загорал на песке. Саня присел рядом.

— Я, пожалуй, пойду, — сказал он. — Ты как, остаешься или со мной?

— А я домой попаду? — оперся на локоть Станислав.

— Маловероятно. Я что-то попадаю вовсе не туда, куда надо. Но со временем все равно попадешь. Побродишь по свету и попадешь.

— Нет, уж лучше здесь останусь. Бродить где попало не хочется, да и дома я что забыл? Работу эту проклятую из-за куска хлеба? Жизнь от полочки до полочки? Да пропади она пропадом! А здесь чем не жизнь? Природа, воздух



свежий без всякой химии, продукты натуральные, безнитратные. Прямо как на курорте. Нет, иди один.

— Ну как знаешь, — поднялся Саня. — Я, может, тоже бы задержался с тобой на месячишко-другой, да дела.

Он сложил в рюкзак остатки угощения, закинул его на плечи и направился на край деревни, к густо утыканной копыями «дыре». Приблизившись, в последний раз бросил взгляд на деревню.

Не хотелось уходить из этого залитого солнцем гостеприимного мирка с его спокойным, размеренным укладом жизни, уходить в неизвестность, навстречу неожиданностям и опасностям. Еще один денек пожить здесь, стойти от осточертевших невзгод.

Испугавшись, что смалодушничает и передумает, Саня торопливо шагнул вперед, раздвигая копыя руками, и, прежде чем успел оглянуться, услышал грозное рычание.

САВАННА, поросшая высокой травой, редкие, возвышающиеся над общей нулевой отметкой деревьев. Под ближайшим — лев, вернее, львица с двумя детенышами, с добрую овчарку каждый.

Саня, оцепенев от ужаса, стал медленно отходить назад, не сводя завороченных глаз с отдыхающего семейства кошачьих. В руках он неожиданно ощутил древко копыя, неведь откуда взявшегося: по-видимому, в момент перехода держался за него. Плохая защита от сгустка львиной мощи и ярости, но лучше, чем вообще ничего. Копье, как в замедленной съемке, перешло в положение «коли».

Санины движения львице не понравились. Двигая хвостом, как ключом к механизму самозавода, слегка порывкая, она неторопливо, охотничьей поступью, направилась к человеку.

— Вот и конец, — тоскливо подумал Саня, пятясь от зверя, — и зачем только я полез в «дыру». Лежал бы сейчас на песке под солнышком и не думал ни о чем, не рисковал понапрасну. Прощай, Рита, извини, что не нашел тебя.

Деревья, трава, львица с лязгатами и неминуемая гибель вдруг исчезли, уступив место домам. Крепко сжимая копые и запоздало клаясь зубами, Саня ошарашенно смотрел на родную цивилизацию. Пятясь от львицы, он вновь попал в «дыру» и теперь стоял в центре незнакомого города. Широкая, заасфальтированная улица. Многоэтажные человеческие улы. Светофоры и провода. Автобусная остановка.

Тело, приняв горизонтальное положение, дрожало как в лихорадке. Сердце, вместе с кровью рассасываясь по жилкам, казалось, пульсировало теперь в каждом органе, в каждой клетке тела — тряслись руки, все еще держащие копые, ходуном ходили колени, гортань трепетала, колебля воздух лопнувшими связками.

Город казался пустынным, вымершим. Обратившись переселене души Саня ощутил, когда шел по улице. Сознание возвращалось обрывками забываемых радиоволн. Стертые перспективы восстанавливались, но восстанавливались не полностью, не до конца, в искаженном ракурсе с трещинами и лобачевскими пересекающимися прямыми.

Риту здесь искать все равно, что иголку в стоге сена. Где же она, как ее найти? Где ты, Рита, отзовись?

ПЛАБЕТА, разговариваясь, успокоенная, потерявшая бдительность после миллионов лет, прошедших в относительном спокойствии, замерла, съезжилась, выжидала. Опустели, вымерли многолюдные города, запруженные ранее нескончаемыми людскими потоками. Перепуганные люди забились в свои дома, задевнув засовы и встревоженно взирая из окон на мир, когда-то родной, привычный, а теперь дикий, враждебный, ошарашившийся лобушками «дыр».

Тишь и запустение. Стоят брошенные автомобили, осиротевшие, с раскрытыми дверцами, в некоторых местах сбитые в груды искореженного металла. Замерли на взлетных полосах самолеты. Мчатся еще кое-где поезда, проскочившие благополучно через «дыры», мчатся на встречу своей гибели, до столкновения с таким же поездом-призраком, потому что нет в этих поездах ни пассажиров, ни проводников, ни машинистов, — все они исчезли в «дыре», и теперь мчатся поезда «летучими голландцами» в неизвестность.

Замерли заводы и фабрики, некому пускать высоко в небо смрадный дым. Остановились электростанции. Погас в домах свет, прекратила работу отопительная система, чашкнули в последний раз и замолкли водопроводные краны.

И остался человек один на один с собой, лишившись всех атрибутов цивилизации, средств существования, столкнувшись опять с дикой природой, из которой когда-то вышел и имел неосторожность так далеко отдалиться от нее. Парализованная цивилизация, этот колосс, оказавшийся на глиняных ногах, зашатался и, рассыпаясь, стал медленно рушиться. Ужас и Хаос объявили все разумное и мыслящее, назвав свой приход Апокалипсисом...

Саня брел по улице небольшого городка. Вторую неделю, — а может, пятую, десятую? — разобраться в чехарде сменяющихся мест и дней теперь уже невозможно, — то допадешь из дня сразу, в ночь или из рассвета в поздний вечер, — все пошло кувырком, все смешалось. Впрочем, незачем, какую надежду бросает он из «дыры» в «дыру», но ни Гиты, ни даже мало мальских следов ее до

сих пор не обнаружил. Да и можно разве отыскать человека в такой сумятице? Незнакомые места, чужая речь, враждебные лица... Если в первые дни все хоть как-то еще гомогали затерявшимся и обездоленным путникам, кормили, устраивали на ночлег, то теперь, когда на счету каждая крошка хлеба, каждое зернышко крупы, с моралью можно не считаться.

Так и хочется привалиться к стене дома и уснуть, уснуть навеки.

Звуки выстрелов и крики вырвали Саню из дремотного забытья. Где-то что-то происходило — опасное, но в то же время притягивающее. Саня завернул за угол и остановился.

ПЕРЕД стеклянными витринами небольшого магазинчика сгрудилось человек тридцать. Они кричали высокими голосами и размахивали руками, держась на определенной дистанции и не подходя вплотную к дверям.

Саня пробился вперед. У входа стояли двое мужчин, держа в руках винтовки и готовые незамедлительно пустить их в ход, если возникнет потребность. Сквозь стекло на полках витрин виднелись бутылки и консервные банки.

«Продуктовый, — определил Саня. — И голодная толпа. Тут и ружья хозяевам не помогут, если заваруха начнется».

Сквозь незатаивающий гомон пробился звук разбитого стекла, витрина треснула и градом осколков осыпалась вниз. Один из охраняющих крикнул и выстрелил наугад в толпу. Многоголосый вопль перекрыл чей-то одинокий болесненный стон, и обезумевшая толпа ринулась на хозяев. Людской поток подхватил Саню, и, поневоле подчинившись, спотыкаясь, скользя на битом стекле, чудом удерживая равновесие, чтобы не быть затоптанным разъяренным человеческим стадом, он очутился внутри.

Вокруг копошились люди с разгоряченными лицами и с обезумевшими глазами, лихорадочно сгребая в охапку продукты и запихивая их кто во что мог — сумки, пустые коробки, скинутые пиджаки и рубашки. Саня последовал их примеру. Хватая все, что попадалось под руку, он торопливо набил рюкзак и бросился к дверям. На выходе он натолкнулся на хозяев. Один, растоптанный и растерзанный, лежал у магазина, над ним склонился второй, в изорванной окровавленной одежде, весь в синяках и ссадинах, но живой. Уже не нужное оружие валялось рядом. Проходя мимо, Саня нагнулся и подхватил винтовку, — ею оказался семизарядный карабин, отличное подспорье для такого одиночки, как Саня.

Саня двинулся подалее от магазина. Кто его знает, может, здесь полиция еще действует. Его, как чужака, она бы при случае не пожалела. Да к тому же полный рюкзак продуктов — непозволительная роскошь в этом сжихнувшемся от голода городе. На части разорвет и рюкзак, и его самого. Голодная толпа — это страшнее даже полиции.

ЖЕСТЯНКИ, глухо ворочающиеся за спиной, покоя не давали, вызывая непотребные мысли, от которых принимавшем нормальной пищи желудке. Помучив себя немного, Саня не выдержал и, заскочив в глухой закоулок, вытащил наугад первую попавшуюся банку, тревожно озираясь, раскроил ее ножом. Торопливо загребая трясущимися пальцами содержимое и отправляя его в рот, не разглядывая, он быстро опустошил банку, выскреб начисто и только тогда, поглядев на нее с сожалением, отбросил. Желудок немного успокоился, можно идти дальше. Надо найти «дыру», да убраться из этого города подалее от греха. Банкет можно устроить в другом месте, тихом, спокойном, вдали от шальных людей.

Цивилизация агонизировала. Обезлюдели миллионные города, рушились оставленные без любовного присмотра и ухода здания жилых домов и заводов, покрывались ржавым налетом станки. Все прочное и, казалось, незыблемое, созданное творением рук человеческих на века, исчезало с лица Земли. Лишь ветер, почувствовав себя полновластным хозяином, смело покорял серые многокилометровые громады.

Зато ожили бескрайние, некогда пустынные просторы.



Люди, уничтожив свои припасы и столкнувшись с альтернативой остаться в родном доме и погибнуть от голода, или же, очертя голову, ринуться в неизвестность ради куска хлеба, выбрали второе. И теперь в любом уголке Земли, — в дремучей нехоженой тайге, посреди обширных степей, в раскаленной пустыне и даже среди снегов Антарктиды, — всюду можно было встретить человека — оборванного, измученного, с безумным взглядом глубоко запаших глаз, бредущего неизвестно откуда и куда. Японец из страны восходящего солнца грелся у одного костра с австралийским аборигеном и узбеком из Ташкента, африканский бедуин пробирался горными тропами Аппалачей, ергентинец кутался в шкуры у эскимосского чума... Великое смешение рас и народов... Новый Вавилон...

ВЗВИЗГНУВШАЯ над ухом пуля и посыпавшаяся со стены дома штукатурка, а затем и запоздалый раскат выстрела застали Саню врасплох. Он стремительно метнулся в подъезд ближайшего дома. Подъезд, хоть и защищал от пули, но оказался непроходным. Ситуация не нравилась. Непрерывающаяся стрельба не давала

возможности ни скрыться, ни переменить место. Непонятна была и причина стрельбы. Ведь он только что вышел из «дыры», шаг ступить не успел, а из него уже делают мишень.

— Ну уж нет, — прошептал Саня, — это вам безнаказанно не пройдет. У меня тоже кое-что для вас найдется.

Он передернул затвор, любовно прижал карабин к груди. На мгновение выглянул, чтобы оценить ситуацию: успел заметить троих, бегущих к дому и стреляющих на ходу.

Похуже, они не успокоятся, пока не нафаршируют его свинцом. Почему? Плохого он им ничего не сделал, даже не успел бы при всем желании. Но выбирать не приходилось — надо принимать бой.

Помедлив мгновение, Саня выпрыгнул из подъезда и вскинул карабин. Один нападающий упал и замер в неестественной позе, другой, выронив винтовку, волчком закрутился на асфальте, держась обеими руками за бок. Третий, бросив оружие, испуганно скрылся за углом.

— Этот уже не страшен, — удозлетворенно подумал Саня, — вояка вшивый, в штаны, наверно, наложил от страха.

Он победно осматривал оставшееся за ним поле боя, забыв про осторожность. Внезапно что-то обжигало по плечу. Не успев осознать случившееся, Саня метнулся в подъезд.

— Загордился, черт! — выругался он, — вот теперь получай.

Пуля прошла вскользь, вырвав клочок рукава и разорвав мышцы предплечья. Рука быстро тяжела и деревенела. Перевязать было нечем да и некогда.

Саня осторожно выглянул: группа человек в двадцать открыто шла на штурм здания.

— Похоже, здесь не знают и не привыкли встречать ответное сопротивление, — решил Саня. — Но от такой толпы не отстреляться, хотя, судя по их наступлению, это не профессионалы. Надо бы пальнуть пару раз, глядишь и разбегутся.

Он, не таясь, шагнул из-за прикрытия и вскинул здоровой рукой карабин, но тут же опустил и, не обращая внимания на свистевшие мимо пули, замер, вглядываясь в толпу, почувствовав в ней что-то неестественное.

— Вот сволочи, — прошипел Саня сквозь зубы, — что придумали — толпой прикрыться. Фашисты!

Действительно, позади безоружной толпы, уныло и безропотно двигающейся навстречу смерти, сновали какие-то личности, поднимались и опускались на головы и плечи безоружных приклады винтовок.

Саня, помедлив мгновение, отшвырнул оружие и, зжвав рукой рану, устало прислонился к стене.

ЛЯЗГНУВ засовом, дверь со скрежетом отворилась. — Выходи!

Саня скинул ноги с нар и, скрипя зубами от боли, тяжело поднялся. Прилично его тогда отделали, отыгрались и за тех двоих, оставшихся лежать посреди улицы, и за свой испуг. Хорошо хоть в живых оставили, не прихлопнули сразу. Тело в ссадинах и кровоподтеках ныло, выплескивалось болью при каждом шаге.

Саню долго вели по длинному коридору, подсвеченному редкими лампами.

— Свет! — вдруг дошло до него. — У них горит свет! Значит, работает электростанция, а с ней отопление, водопровод. Господи, неужели кончилось все это, и снова наступает нормальная жизнь?

Он обрадованно повернулся с вопросом к охраннику, но один из них молча ткнул стволом автомата ему под ребра так, что у Сани замельтешили в глазах радужные круги.

Они дошли до ограждения, перекрывающего коридор, свернули в бок, через свежие проломы в стенах, минули несколько помещений и опять оказались в коридоре.

— «Дыру» обошли, — догадался Саня. — Значит, кошмар продолжается. А эти неплохо придумали — «дыры» огрести, чтоб туда никто случайно не попал.

Подъем по лестнице, опять коридоры, переходы, и наконец Саня стоит посреди роскошно обставленного кабинета перед столом, за которым сидит скуластый, невзрачного вида человек. Человек кивнул головой, двое за Саниной спиной щелкнули каблучками и вышли.

— Кто такой? Откуда? — резко спросил по-английски хозяин кабинета.

— Бродяга я, как и все, — ответил Саня, услышавший за время своих скитаний изучить и английский, и немецкий, и ряд других языков.

— Зачем в моих ребят стрелял?

— Так они же первые стрельбу открыли...

— Эта территория закрыта для бродяг — ты это не знаешь?

— «Дыра» не спрашивает, куда тебя доставить. Позвольте сесте, — чувствуя, что долго не выдержит, попросил Саня, — ноги не держат.

— Садись, — милостиво позволил хозяин. — Ты не скажешь, откуда ты. Выговор у тебя не как у англичанина.

— Я не англичанин, — Саня сел на стул и расслабленно откинулся на спинку, — я из... — он запнулся и продолжил, — сам не помню, откуда.

— Темнишь, парень! — сузил глаза скуластый. — Давно бродишь?

— Давно. Кажется, будто всю жизнь брожу, будто иной жизни и не было. Счет времени потерял, не знаю даже, какое сегодня число, месяц.

— Ну ладно. Не хочешь говорить откуда — тебе дело, — смягчился хозяин, — меня это мало интересует. Все равно отсюда уже не выберешься, — ухмыльнулся он. — Скажи лучше, что ты думаешь об этих, как ты их называл, «дырах»? Что это такое? Насколько опасно? Надолго ли?

Саня пожал плечами.

— Никто толком не знает, что это такое, откуда. Появились одновременно везде, по всей планете. Может, это кто-то эксперимент неудачный поставил, и может, произошло что-то на космическом уровне, — Саня задумался.

— Что это такое, надолго ли, этого мы определить уже не сможем, не успеем — некому будет. Что осталось от нашего мира? Кучка голодных одичалых людей, странствующих по планете и занятых одной целью — как бы выжить.

— Но мы же живем, не странствуем, — возразил хозяин кабинета, — и у нас все есть — и пища, и крыша над головой. Предприятия, транспорт работают.

— Зачем же тогда автоматы?

— Чтобы народ не паниковал. Поначалу здесь тоже паника началась, но мы взяли власть в свои руки и быстро навели порядок. «Дыры» все выявили и обнесли ограждениями.

— Как вам удалось их все найти?

— Прогнали толпу по улицам и нашли. Где люди исчезали — там, ясное дело, «дыра».

— Но ведь это бесчеловечно! — ужаснулся Саня.

— Бесчеловечно по отношению к единицам, зато на благо остальных.

— И на меня толпу погнали, чтобы самим под пули не лезть, — тоже на благо?

— Естественно. Чужие нам не нужны — смуту наводят. Да и продукты питания у нас не в избытке, лишние рты не нужны.

— Значит, и меня прикончат?

— Ты мне нужен. Надобно ограничиваться одним городом, пора наводить порядок по всей стране, на всей планете.

— Такими методами?

— Можешь предложить другие?

— Нет, — подумав, ответил Саня.

— То-то же, — удовлетворенно ответил мафиози, — мой метод — единственный. Пойдем вперед, метр за метром отвоевывай землю, обнесем «дыры» заборами и создадим великое всепланетное государство.

— А правителем в этом государстве будете, естественно, вы, — с сарказмом произнес Саня.

— Конечно. Я его создам, мне и править. И ты поможешь мне в этом великом деле. Ты много бродил по свету, много видел — будешь моим консультантом.

— Дайте подумать, — возразил Саня, чувствуя, однако, что за него уже решили. — Может, я не соглашусь.

— Согласись, — снова ухмыльнулся главарь, — иначе пулю в лоб схлопочешь. А ты вон какой молоденький, — пожить-то еще хочется, верно? Так и быть, — расщедрился он, — дам тебе подумать до завтра.

Он нажал кнопку и приказал появившимся охранникам:

— Глаз с него не спускать!

Всю ночь Саня провел на нарах без сна. Многое казалось логичным в словах новоявленного фюрера, пытающегося спасти хоть частицу былой цивилизации. Не нравились Сане только методы, которыми этот гангстер пытался спасти мир, — эти автоматы, приклады над головой, безликие безропотные толпы. Также уже было не раз, и финалом всегда был бесславный конец самого зачинателя и всей его затеи. Нет, не по пути Сане с ним. Должен же быть какой-нибудь выход, не может быть задачи с одним единственно верным вариантом решения.

Утром Саня, подготовленный, с рюкзаком за плечами нетерпеливо ожидал стражу. И когда за ним пришли и повели наверх, он, посмеиваясь и болтая со стражами, на повороте в обход «дыры» внезапно бросился в сторону и, перескочив через ограждение, исчез на глазах у замешкавшихся охранников.

Планета, стряхнув с себя бремя человеческой цивилизации, облегченно вздохнула, расправила плечи и стала чиститься от шелухи и грязи. Вздыхались вырубленные безжалостной рукой леса, дожди смыли грязь и мусор в реки, те снесли все в моря и океаны, а эти гигантские перерабатывающие фабрики уничтожили результаты человеческой деятельности. Рыбы вернулись в реки и, весело плескаясь на перекатах, блестящими сверкая в глубине прозрачных, как слеза, рек, принялись опять обживать законные владения.

Очистилась атмосфера, не задымляемая трубами заводов и автомобилей, и в ночном небе по-незнакомому ярко и близко засияли звезды.

И понял человек и ужаснулся былых деяний рук своих.

За время своих скитаний Саня совсем одичал и даже иногда забывал о цели своих поисков. Казалось, он всю жизнь только тем и занимался, что шел от «дыры» к «дыре», голодал, наедался до отвала в редкие удачные случаи, замерзал на полюсах и умирал от жажды в знойных песках пустынь. А когда однажды вновь оказался на каменистом склоне Серебрянки, то чуть было не прошел мимо, и только всколыхнувшиеся невольно из глубины души смутные воспоминания, заставили его остановиться.

Где-то ниже по ущелью, по застывшему навечно течению каменной речки стояла, а быть может, стоит до сих пор небольшая палатка, где Саня встретил обычную девочку, так необычно глубоко запавшую ему в душу.

Невыносимо больно заняло в груди. Где те времена — мирные, спокойные, счастливые?

Неодолимая сила тянула туда, к палатке, — Последнему Приюту, из которого он шагнул в бесконечный путь по свихнувшемуся миру.

Тщательно запомнив месторасположение «дыры», чтобы не плутать при возвращении, Саня стал осторожно спускаться по скользким обледенелым камням. От дикого летнего буйства природы не осталось почти ничего, кроме зеленой черноты хвойников. Все вокруг припорошено снегом, язпод которого торчали кое-где сухие былинки травы, да еще отошдавший и обмелевший, но все еще неугомонный ручеек упрямо пробивал дорогу меж валунов, не желая замерзнуть. А мороз был приличным, и малейшая задержка в этих ставших негостеприимными горах грозила обернуться гибелью.

Место стоянки изменилось до неузнаваемости, и только палатка, осевшая под тяжестью снега, все так же пряталась под соснами, уныло пошевеливая на ветру незастегнутым пологом. Ни малейшего намёка на человеческое присутствие, хотя в глубине души так хотелось обратного.

Первым делом Саня разгреб снег вокруг очага, наломал хрупких хвойных и вересковых веток. Озябшими негнущимися пальцами он долго разжигал костер, не жалев драгоценных спичек. Наконец весело зашипело алое, жаркое пламя, разогнав холод и отодвинув в тень деревьев сумерки. Не поленившись сходить за водой на речку, Саня повеся над огнем котелок, насыпав туда неочищенных гречневых зерен, раздобытых случайно во время скитаний на заброшенном поле, присел у костра и предался воспоминаниям.

Вот здесь он вышел тогда на костер, там увидел впервые Риту, наблюдал, любясь, за ней из кустов, Костюм ее до

сих пор мирно покоится на дне рюкзака, с которым Саня не расставался даже ночью.

Опять нахлынула тоска. Господи, до каких же пор будет продолжаться этот кошмар! Сколько еще бродить по свету, когда же наступит всему этому или ему самому конец?

Скинув рюкзак, Саня наклонился и забрался в палатку. Внутри было темно, колени утопали в нанесенном ветром снегу. В углу лежали оставленные когда-то ими вещи, но продуктов уже не было, — по-видимому, кто-то здесь уже побывал.

Он продолжал бесцельно разгребать снег, хотя искать было нечего. Ничего здесь быть не может, пусто. Но так не хотелось уходить отсюда, не захватив с собой что-нибудь на память. И тут пальцы нащупали какой-то лоскуток. Выдернув его из-под снега, Саня увидел листок бумаги.

Записка, которую писала ребятам Рита перед уходом. Так вот что он бессознательно искал!

Саня лихорадочно зачирикал спичками. Пляшущий огонек осветил тусклые, почти стертые и размытые непогодой строчки: «Ребята! Мы ушли...». Но что это? На Ритины строчки накладывалась витиеватая арабская вязь. Понятно. Видно какого-то горемыку занесло сюда издалека. Оставил послание потомкам. Саня уже хотел засунуть ломкий листок в карман, но тут при свете затухающей спички заметил надпись на оборотной стороне листка. Второпях сломав несколько спичек, он зажег еще одну.

«Саня, где ты! Помоги! Рита».

Вздвигнув от обожженной палочки спички, Саня пришел в себя. Выскочив из палатки, он вновь и вновь перечитывал записку. Рита... Была здесь... Живая... Ну как же так, почему мы не встретились? — обрывками мелькали мысли — Меня ищет... Помощи просит... Искать! Искать! Не отчаиваться! Рита, я иду! — закричал он и бросился назад, к вершине, к зовущей «дыре».

ТЯЖЕЛЫЙ, опасный подъем да еще сильный ветер с начавшимся снегопадом вскоре охладили его. В быстро сгустившей темноте ничего не было видно. Ноги то и дело соскальзывали и проваливались в невидимые, покрытые снегом щели меж камней, вызывая нестерпимую боль. Ветер, швыряя охапки колочего, жгучего снега прямо в лицо, насквозь пронизывал одежду. Руки и ноги быстро заколечели и перестали слушаться, но Саня упорно карабкался вверх, срывался, вскрикивал от боли и продолжал лезть.

Подъем все не кончался. Сквозь вьюгу и темень просматривались на два-три шага камни, остальное терялось в мутной мгле. Где он, правильно ли идет или давно уже сбился с пути, — определить было невозможно.

Похоже, отсюда ему уже не выбраться. Руки и ноги онемели и уже не чувствовали ничего, двигаться не было никакого желания. А если бы даже и было желание, то как в такой круговерти найти «дыру»? Невозможно.

— По всем статьям выходит, что конец, — тоскливо думал Саня. — Так вот где он меня застал. На том же месте, откуда я начал свой путь. Как же теперь Рита, что с ней будет? Прости, дорогая, любимая! Так поздно я тебя нашел, и так быстро потерял, не успев даже сказать всего. Прости...

Надвигалось забытие. Тело успокоилось, не чувствуя уже холода, каменное ложе стало мягким, пуховым. Страницы жизни замельтешили перед глазами. Родной город, дом, мать с отцом, братишка вредный... Дома так и не удалось побывать, — мелькали последние искорки сознания. — Жаль.

— Он представил себе их небольшой дом, уютную детскую площадку перед ним, стол со скамейками под развесистым кленом, где любили собираться по вечерам словоохотливые соседки...

В какой-то момент Саня почувствовал, что выныривает из забытия. Медленно возвращалось сознание, все быстрее и быстрее разгонялись мысли. Онемевшее тело оживало, очнувшееся сердце гудило, с трудом продавливая загустевшую кровь по сосудам. Камни под спиной не чувствовались, но он все-таки ощущал, что на чем-то лежит. Вот только это что-то было почему-то ровным, не каменистым...

Саня шевельнулся, и тут же тысячи, миллионы иголок впились в тело. От этой боли Саня окончательно пришел в себя, застонал и приоткрыл глаза.

МЕТЕЛИ не было. Исчез яростный ветер с мириадами жестких, песчаных снежинок, и в чистом ночном небе ласково мерцали далекие звезды. Не было камней и гор, не было сурового зимнего леса. Только среди звезд темными провалами зияли тени невысокого дома и одинокого дерева рядом с ним. Чем-то знакомым повеяло на Саню.

Превозможная колющая боль, он с трудом поднялся на еще непослушные ноги.

Это был его дом, родной дом! Вон старый клен, скамейка под ним, детская площадка... Снег здесь еще не выпал (или уже растаял?), и было относительно тепло. Это тепло и вернуло его к жизни. Но как он здесь оказался? До «дыры» он не добрался, это он знал точно. Но об этом Саня думать не хотелось. Достаточно того, что он дома, что конец всем скитаниям, что стены этого дома укроют его сейчас от всех выпавших на его долю невзгод.

Всеми порывами тела впитывая тепло и запахи родного дома, он вошел в подъезд и поднялся по знакомой скрипучей лестнице.

...Большая комната была пуста. Обычно здесь на широком раскладном диване спали мать с отцом, в Саню с братишкой была отведена в полное распоряжение небольшая спальня. Диван исчез, исчезли стулья и стол, старенький сервант. Да к тому же в квартире стоял чужой запах — запах костра, запах углей и пепла.

Саня встревоженно направился в спальню. Там тоже ощущался недостаток мебели, но старая большая кровать, на которой они спали с братишкой, стояла. На ней была навалена груда тряпья, смутно вырисовывающаяся в блеклом свете месяца. Запах гари стоял и здесь, живым жильем не пахло.

Где же мать, отец, братишка? Неужели и их постигла беда? Зачем же тогда он стремился сюда, мечтал о дне, когда ступит на порог родного дома? Саня подошел к кровати, сел на краешек, достал сигарету, закурил и погрузился в раздумья.

Куда теперь? Здесь делать нечего — душу только травить. Единственное, что держит его на этом свете — это Рита. И хоть найти ее практически невозможно, надо верить и искать. Иначе хоть сейчас головой в петлю...

Вдруг тряпки зашевелились, прервав невеселые Саннины мысли, и из-под них появилось смутное белое лицо. Саня лихорадочно, ломая спички, зажег огонь.

На него глядела Рита. Рита, которую он так долго искал, из-за которой терпеливо бродил по этому безумному миру! Рита, поиски которой не позволили ему свихнуться, из-за которой он, собственно, жив до сих пор. Девушка молча смотрела на него испуганными, широко раскрытыми глазами.

— Саня! Санечка! — выдохнула она и, метнувшись к нему, судорожно, словно боясь снова потерять, обхватила его и разрыдалась облегченно, снимая этим плачем страх, тоску ожидания и тяжесть минувшего. Саня, огушенный, все еще до конца не веря в происходящее, оступело сидел на кровати.

— Как я долго тебя ждала, — бормотала сквозь слезы Рита. — Мучилась... Кругом ужас, голод, смерть... А тебя все нет... Как долго... Ой, да что я о себе, — очнулась она. — Ты же ледяной весь. Замерз. Ложись! — она толкнула Саню на кровать и стала закидывать его одеялами, не переставая говорить. — Здесь холод жуткий. Тепла нет. Света нет. Газ давно кончился. Хоть совсем замерзай!

НАВАЛИВ на Саню весь ворох, Рита нырнула в него, пробралась к Саню и прижалась к нему горячим телом.

— Уже не боишься меня? — от такой близости девушки Саню бросило в жар.

— Глупый! — шепнула она, — с тобой я уже ничего не боюсь. Вволю без тебя набоялась, чего только не насмотрелась, не испытала.

— Погоди! — опомнился Саня, — как ты сама-то сюда попала?

— Когда я на Кедровом в «дыру» попала, то очутилась в каком-то поселке. Стою на узкой улочке, кругом стены каменные, высокие, башни. Жара. Ни одного деревца. Люди ходят в светлых накидках, на головах тоже накидки, Арабы,

что ли. Все взбудораженные. Меня как увидели, закричали и ко мне. А я, сам знаешь, в каком виде была, — чуть ли не голая. Испугалась их и назад попятилась. Смотрю — а их уже нет. И стен, города нет. Плясусь неизвестно от кого к самой кромке обрыва, внизу скалы, волны громадные о них бьются. И море до самого горизонта. Чуть вниз не сорвалась, вовремя оглянулась, остановилась. Пошла по берегу, вышла на селенье рыбацкое. Там меня одели, накормили. Остаться предлагали, но я ушла. Думала, может, удастся назад выбраться, на Кедровый, к тебе. Да не вышло. Бродила по этим «дырам», пока сюда, в твой город не попала. Надеюсь, что ты уже дома, еле отыскала, а тебя нет.

— А мои где были — мать, отец, брат?

— Брат в первый же день пропал. В школу утром ушел и пропал. Когда паника началась, отец ушел вас искать, да так и не вернулся. Мать извелась тут одна, а когда я появилась, приказала сидеть и ждать всех, а сама ушла. С тех пор о ней ни слуху ни духу. А ты, где пропал все это время?

— Тоже мотался по «дырам», тебя искал. Долго рассказывать... Да, я же сюда с Серебрянки попал, — встрепенулся он. — Записку твою в палатке нашел.

— Я, как чувствовала, написала ее. Не верила, но надеялась в душе, что ты туда вернешься.

— Вернулся, да чуть там навсегда и не остался, — невесело усмехнулся Саня. — Спуститься к палатке-то спустился, а на обратном пути буран поднялся. Заблудился и чуть не замерз. Сам не пойму, как здесь оказался, — мысль, мелькнувшая в голове, заставила его задуматься.

— Я тебя сейчас чаем горячим напою, — Рита вскопчила и побежала на кухню, весело щебеча. — Чай вот только ненастоящий, из кленовых крылышек, но зато горячий. Мингом согреешься.

Саня поднялся и пошел вслед за ней. Рита возилась перед сложенной из кирпича и жести самодельной печкой, раздувая тлеющие угли. Дым шел из всех щелей.

— Соседи помогли сложить, — пояснила она, — не то давно бы замерла.

— Выживем как-нибудь, — ободряюще произнес Саня.

— Еды нет, — продолжала Рита. — Магазин разгромили, все там почистили. Я уже остатки подбирала, что попадалось. А без еды нам не выжить. Разве что через «дыру» в теплые края перебраться. Но я ни за что не пойду — опять тебя потеряю.

— Постой! — мысль, засевшая Сане в голову, наконец нашла свое решение. — Я все думаю о том, как здесь очутился. До «дыры» на Серебрянке я не добрался — это точно. А здесь во дворе «дыра» есть?

— Нет. — Непонимающе протянула Рита.

— Но я же во дворе оказался, около самого дома. Значит, не через «дыру» я сюда попал, а сам. Очень захотел — и перенесся без всяких «дыр». Помню, там, на Серебрянке, когда я уже совсем замерзал, о доме думал. Двор представил, клен. И так невмоготу стало, захотелось побывать здесь, что в самом деле тут очутился. А может, сон все это предсмертный? — Саня закрыл лицо руками, — ведь так, кажется, оно и бывает.

— Нет, Санечка, нет! — затрясла его перелуганная Рита, — не сон. Ты живой, и я живая, здесь, рядом с тобой. И я люблю тебя! Все это на самом деле. Не веришь? — и она вцепилась острыми зубками Сане в щеку.

От боли Саня сразу же пришел в себя.

— Чуть не свихнулся, — пробормотал он, мотая головой, чтобы стряхнуть наваждение, и потирая укушенную щеку. — Ну и жена у меня будет! Хищница, а не жена.

Рита в ответ счастливо засмеялась.

— Рита! — вскопчил Саня, и, схватив ее в охапку, закружил по кухне, — ведь это же конец всему, конец этим страшным «дырам». Ведь от страха перед ними планета парализована, от страха перед ними вся эта разлука, весь этот кошмар. А я переместился по желанию. Захотел — и здесь оказался. И в любом другом месте, каком захочу, могу очутиться. Теперь мы уже не будем бояться «дыр», будем свободно перемещаться, куда пожелаем. И заживем опять по-прежнему.

— Нет, — покачала Рита головой, — по-прежнему мы уже жить не сможем.

Дмитрий КЕДРИН

Разговор

«В туманном поле долог путь
И ноша не легка.
Пора, приятель, отдохнуть
В тепле, у камелька.
Ваш благородный конь храпнт,
Едва жует зерно.
В моих подвалах мирно спит
Трехпробное вино».

«Благодарю. Тепла земля,
Прохладен мрак равнин,
Дорога в город короля
Свободна, гражданин?»

«Мой молодой горячий друг,
Река размывла грунт.
В стране, на восемь миль вокруг,
Идет голодный бунт.
Но нам, приятель, все равно:
Народ бурлит: — и пусть.
Игра монахов — домино
Рассеет нашу грусть».

«Вы говорите, что народ
Идет войной на трон?
Пешком, на лодке или вброд
Я буду там, где он.
Прохлады мирные поля,
В равнинах мгла и лень!
Но этот день для короля,
Пожалуй, судный день».

«Но лодки, друг мой, у реки
Лежат без якорей,
И королевские стрелки
Разбили бунтарей.
Вы — храбрецы, но крепок трон,
Бурливые умы.
И так же громок крик вороп
Над кровлями тюрьмы.
Бродя во тьме, среди додин,
На вас луна глядит,
Войдите, и угрюмый сплин
Малага победит».

«Благодарю, но, право, мы
Питомцы двух дорог.
Я выбираю дверь тюрьмы.
Вам ближе — ваш порог.
Судьбу мятежников дела,
Я погоню коня...
Надеюсь — плаха короля
Готова для меня».
(1926).

ТРАГЕДИЯ

В ОТЕЛЕ

Агата
КРИСТИ

Художник
И. Кожевников

— ПОДАЮ жалобу, — сказал сэр Генри Клизерич, обводя взглядом собравшееся общество, и в его глазах блеснул огонек. Полковник Бэнтри сидел, вытянув ноги и хмуро глядя в камин, словно видел перед собой провинившегося на смотре солдата; его жена тайком заглядывала в каталог цветочных луковиц; д-р Ллойд с нескрываемым восхищением смотрел на Джейн-Хелиер, а сама эта юная и прекрасная актриса с глубокомысленным видом рассматривала свои розовые отполированные ногти. И только выцветшие голубые глаза пожилой леди, старой деви мисс Марпл, сидевшей прямо, как стрела, встретили взгляд сэра Генри ответным огоньком.

— Жалобу? — прошептала она.

— И очень серьезную жалобу. Мы собрались здесь вшестером, по трое представителей каждого пола, и я протестую от имени угнетенных мужчин. Мы выслушали сегодня три истории — и все три рассказали мужчины! Я заявляю, что леди не внесли своей лепты.

— О! — возмущенно проговорила миссис Бэнтри, — я уверена, мы внесли. Мы слушали внимательно, с интересом и проявили истинно женское отношение к делу: нежелание выставлять себя на показ!

— Это великолепное оправдание, — сказал сэр Генри, — но оно не пройдет. А «Тысяча и одна ночь» дает очень хороший пример! Итак, начинайте, Шахразада!

— Вы имеет в виду меня? — сказала миссис Бэнтри. — Но я ничего такого не знаю. Рядом со мной никогда не происходили кровавые или таинственные истории.

— Я не настаиваю непременно на кровавых, — сказал сэр Генри. — Но я уверен, что у одной из вас троих есть какая-нибудь любимая тайна. Ну, мисс Марпл, расскажите нам про «Уборщицу, или странное стечение обстоятельств» или про «Тайну собрания матерей».

Мисс Марпл покачала головой.

— Я не знаю ничего, что могло бы вас заинтересовать, сэр Генри. Конечно, у нас есть наши маленькие тайны; был, например, случай с банкой облущенных креветок, которая исчезла столь непостижимым образом; но это не представляло бы для вас интереса, потому что, хотя этот случай и проливает некоторый свет на человеческую природу, он оказался весьма тривиальным.

— Вы научили меня поклоняться человеческой природе, — торжественно сказал сэр Генри.

— Ну, а как насчет вас, мисс Хелиер? — спросил полковник Бэнтри. — В вашей жизни должны были быть интересные происшествия.

— Да, верно, — сказала д-р Ллойд.

— У меня? — сказала Джейн. — Вы хотите сказать — вы хотите, чтобы я рассказала что-то, что случилось со мной?

— Или с кем-нибудь из ваших друзей, — внес поправку сэр Генри.

— О! — невнятно проговорила Джейн. — Мне кажется, со мной никогда ничего не происходит.

— Я вижу, нам придется удовольствоваться эпосом кревет-



ток, — сказал сэр Генри. — Ну, мисс Марпл.

— Вы так любите шутить, сэр Генри. Креветки — просто ерунда. Но теперь, подумав, я действительно припоминаю один случай — собственно говоря, не просто инцидент, а нечто гораздо более серьезное — трагедию. В некотором роде я была ее участницей и никогда не жалела о том, что я сделала — нет, несколько.

СЭР Генри уселся поудобнее и приготовился слушать. Мисс Марпл слегка порозовела.

— Боюсь, что у меня есть склонность отвлекаться, — сказала она с беспокойством. — Уходишь в сторону, совершенно не подозревая об этом. И трудно вспомнить все в нужном порядке. Будьтенисходительны ко мне, если я выступлю в роли не совсем удачной рассказчицы. Это случилось очень давно. Дело происходило в бальнеологическом санатории.

— Отвратительные места, совершенно отвратительные, — сказал полковник Бэнтри. — Нужно рано вставать и пить мерзостную воду. Повсюду множество старух. Злобные сплетни. Боже, когда я вспоминаю...

— Ну же, Артур, — спокойно сказала миссис Бэнтри. — Ты же знаешь, что тебе это пошло на пользу.

— Повсюду сидит множество старух и сплетничает, — проворчал полковник Бэнтри.

— Боюсь, что это правда, — сказал мисс Марпл. — Я сама...

— Дорогая мисс Марпл, — в ужасе воскликнул полковник. — Я ни в коем случае не имел в виду...

Легким движением руки мисс Марпл, еще более порозовев, остановила его.

— Но это — сущая правда, полковник Бэнтри. Мне только хотелось бы сказать вот что. Дайте мне собраться с мыслями. Да. Сплетничают, как вы говорите, действительно много. И люди очень не одобряют этого — в особенности молодые. Мой племянник, который пишет книги, и — я считаю — очень умные книги, говорит самые ужасные вещи о том, как безо всяких на то оснований рушатся человеческие репутации и как это безнравственно и все такое. Но я хочу сказать, что никто из молодых людей ни разу над этим не задумывался. Они никогда толком не обращают внимания на факты. Вся загвоздка в том, что сплетня, как вы ее называете, часто оказывается правдой! И я думаю, что если бы они обращали внимание на факты, то увидели бы, что в девяти случаях из десяти это была правда! Вот что на самом деле так сильно и раздражает людей.

— Догадка по наитию, — сказал сэр Генри.

— Нет, не то, совсем не то! Право, это дело практики и опыта. Египтолог, я слышала, если ему показать одного из таких чудных маленьких жучков, может по одному их виду или наощупь сказать, к какому времени до нашей эры он относится или же это просто бирмингемская подделка. И он не всегда может указать, как именно он это установил. Он просто знает в чем дело. Он занимался этим всю свою жизнь.

Это я и пытаюсь сказать (очень плохо, я знаю). Те, кого мой племянник называет «имеющимися в избытке женщинами», располагают массой свободного времени, и обычно их основной интерес — это люди. Понимаете, таким образом, они становятся, можно сказать, экспертами. Нынешние молодые люди вполне свободно говорят о таких вещах, которые в дни моей молодости даже не упоминались. — но, с другой стороны, в душе они страшно невинны. Они верят всем и всему. И если кто-то пытается их предостеречь, хотя бы в самой мягкой форме, они говорят, что у него викиторианский ум, да и тот похож, мол, на кухонную раковину.

— В конце концов, — сказал сэр Генри, — что плохого в кухонной раковине?

— Совершенно верно, — с жаром ответила мисс Марпл. — В любом доме это самая необходимая вещь, хотя, конечно, она не так уж романтична. Я знаю, джентльмены не интересуются домашними делами, но должна упомянуть о своей горничной. Этель — девушка очень красивая и во всех отношениях очень услужливая. Так вот, только я увидела ее, сразу же поняла, что она того же поля ягода, что Анни Уэбб и служанка бедной миссис Бруитт, и что, если представится возможность, то понятия «мое» и «чужое» для нее будут пустым звуком. Через месяц я ее отпустила, с письменной рекомендацией, что она честная и непьющая, но в частном порядке предупредила старую миссис Эдварс, чтобы она не брала ее. Что ж, она поступила к леди Эштон, которую я не сочла своим долгом предупредить, и что вышло? С нижнего белья были срезаны все кружева, украдены две бриллиантовые брошки, — а девушка отбыла под покровом ночи, и с тех пор о ней ничего не слышно.

МИСС Марпл замолчала, протяжно вздохнула и затем продолжала:

— Вы скажете, что это не имеет отношения к тому, что произошло в Кестонской водолечебнице, но в некотором роде связь есть, то есть объясняет, почему с первой минуты, когда я увидела Сандерсов вместе, почти не сомневалась, что он намеревается с ней покончить.

— Как? — сказал сэр Генри, наклоняясь вперед. Мисс Марпл с безмятежным лицом повернулась к нему.

— Я говорю, сэр Генри, что в душе не испытывала никаких сомнений. М-р Сандерс был крупный, красивый, румяный мужчина, очень общительный и пользующийся всеобщим расположением. И никто из всех обитателей водолечебницы не обращался лучше со своей женой. Но я знала... Он намеревался с ней разделиться!

— Дорогая мисс Марпл...

— Да, я знала. Конечно, вы скажете, как мой племянник Рэймонд Уэст, что у меня не было никаких доказательств. Но я помню Уолтера Хоунса, владельца гостиницы «Зеленый человечек». Однажды вечером он возвращался домой вместе с женой. Она упала в реку, а он получил страховку. Есть еще один-два таких человека, которые до сего времени ходят безнаказанными. Один даже из нашего класса. Отправился с женой в Швейцарию отдохнуть, лазая по горам. Я предупредила ее, чтобы она не ездил — бедняжка на меня не рассердилась, как сделали бы другие, — она только посмеялась. Конечно, такая чудная старушка, как я, говорит подобные вещи о ее Харри. И что же? Произошел несчастный случай, теперь Харри женат на другой. Я не могла ничего сделать. Все знала, но не было доказательств.

— О, мисс Марпл, — воскликнула миссис Бэнтри. — Неужели вы действительно хотите сказать...

— Моя дорогая, это, право, вполне обычные вещи. А джентльмены, будучи немного сильнее, испытывают особое искушение. Ведь легко представить дело так, будто произошел несчастный случай. В отношении Сандерсов я это сразу поняла. Все началось с трамвая. Точнее, с того, что нижняя площадка была переполнена, и мне пришлось подняться наверх. Когда нужно было сходить, и мы трое поднялись, м-р Сандерс, потеряв равновесие, сильно толкнул свою жену, и она полетела по лестнице вниз головой. К счастью, кондуктор оказался сильным и вовремя подхватил ее.

— Но это, несомненно, был несчастный случай!

— Конечно, несчастный случай — ничто не могло выглядеть случайнее. Но м-р Сандерс служил в торговом флоте, а человек, который может сохранять равновесие во время качки на корабле, не теряет его в трамвае, если его не теряет такая старуха, как я. И не говорите.

— По крайней мере, мы можем заключить, мисс Марпл, что вы составили свое мнение, — сказал сэр Генри. — Составили там же, в тот момент.

СТАРАЯ леди утвердительно кивнула головой.

— Я была вполне в этом уверена, а в скором времени другой случай, при переходе через улицу, лишь укрепил мою уверенность. Так вот я вас спрашиваю, сэр Генри, что я могла поделывать? Передо мной была милая, довольно счастливая маленькая замужняя женщина, которую должны были вскоре убить.

— Моя дорогая леди, вы меня изумляете.

— Это потому, что, подобно большинству теперешних людей, вы не желаете видеть факты. Вы предпочитаете думать, что такие вещи невозможны! Но так было, и я это знала. К сожалению, человек находится в таком трудном положении! Я не могла, например, пойти в полицию. А предупреждать молщую женщину было явно бесполезно — она всецело предана мужу. Я поставила задачу: выяснить о них все, что можно. А если занимаешься шитьем у каминца, это довольно несложно. Миссис Сандерс (ее звали Гледис) говорила очень охотно. Они как будто были не очень давно женаты. В будущем ее мужу должно было что-то перейти по наследству, но в то время они были очень стеснены в средствах и жили на доход с ее маленького состояния. Такие истории любому доводилось слышать прежде! Она сожалела, что не может притронуться к этому капиталу. Видно у кого-то где-то хватило ума! Но она могла оставить эти деньги по завещанию, как я выяснила. И она и ее муж сразу же после замужества составили завещание в пользу друг друга. Очень трогательно. А пока что они действительно находились в очень затруднительном положении: снимали комнату на верхнем этаже, среди слуг, — это очень опасно в случае пожара — хотя, если бы это случилось, прямо у них под окном была пожарная лестница. Я осторожно разузнала, нет ли там балкона, — опасная вещь, эти балконы. Чуть толкнешь, знаете!

Я заставила ее дать обещание, что она не будет выходить на балкон: сказала, что видела сон. Это на нее подействовало — с помощью суеверия иногда можно многого добиться. Она была блондинка, довольно бесцветная, волосы небрежно стянуты на шею узлом. Она очень доверчивая. Она пересказывала мужу, что я говорила, и я заметила, как он раз или два с любопытством на меня взглянул. Он не был доверчив, и он знал, что я ехала тогда с ними в трамвае.

Но я очень беспокоилась — ужасно беспокоилась — потому что не знала, как мне его перехитрить. Я могла предотвратить любую вещь в водолечебнице всего несколькими словами, которые показали бы ему, что я его подозреваю. Но тогда он лишь отложил бы осуществление своего плана на более позднее время. Нет, я решила, что единственная политика — это смелая политика: расставить ему тем или иным способом ловушку. Если бы я могла вынудить его посягнуть на ее жизнь по моему усмотрению, что ж, тогда маска с него была бы сорвана, и бедная женщина была бы вынуждена посмотреть правде в глаза.

— Вы меня изумляете, — сказал д-р Ллойд. — Какой план мог прийти вам в голову?

— Не бойтесь, я бы его нашла, — сказала мисс Марпл. — Но он был слишком хитер для меня. Он не стал дожидаться. Он думал, что я его, возможно, подозреваю, и потому выступил первым; прежде чем я могла удостовериться. Он знал, что несчастный случай будет для меня подозрителен. Поэтому он выбрал убийство.

В КОМНАТЕ раздались возгласы изумления. Мисс Марпл снова кивнула головой и мрачно поджала губы. — Боюсь, я выпалила это совсем неожиданно. Нужно попытаться рассказать, как все в точности произошло. Для меня это всегда было большим огорчением: мне кажется, каким образом я должна была это предотвратить. Но провидение, безусловно, распорядилось по-своему. Во всяком случае, я сделала все, что могла.

В воздухе было, можно сказать, что-то странное и злое. Казалось, что-то тяжелое назило над всеми нами. Ощущение беды. Началось с Джорджа, швейцара. Работал там много лет и всех знал. Внезапно — бронхит и воспаление легких; скончался на четвертый день. Ужасно печально. Это было ударом для всех — да еще за четыре дня до Рождества. А потом — одна из горничных, такая милая девушка, — заражение крови в пальце — умерла через двадцать четыре часа.

Я сидела в гостиной с мисс Троллоп и старой миссис Карпентер, и миссис Карпентер явно была настроена кровожадно — знаете, ей это доставляло удовольствие.

«Помните мои слова, — сказала она. — Это еще не все. Знаете поговорку? Бог троицу любит. Я видела, что это так, не один раз. Будет еще одна смерть. Нечего сомневаться. И нам не придется долго ждать. Бог троицу любит».

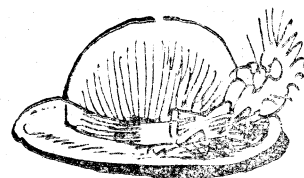
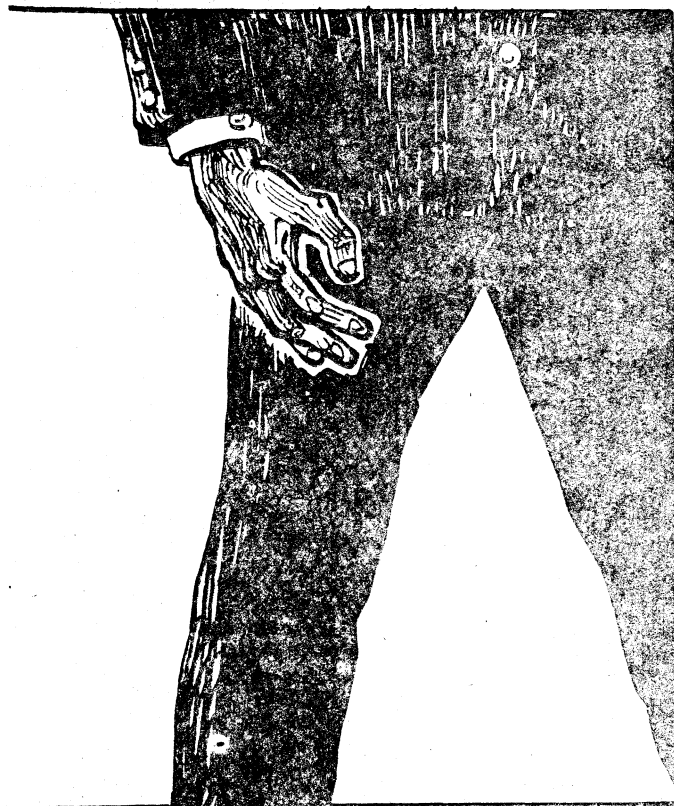
Когда она произнесла последние слова, кивая головой и звеня спицами, я случайно подняла глаза — в дверях стоял м-р Сандерс. Всего на миг он позабыл об осторожности, и я видела выражение на его лице ясно, как день. До своего смертного часа буду верить, что кровожадные слова миссис Карпентер заронили ему в голову эту мысль. Я видела, как заработал его мозг.

Он прошел в комнату, по обыкновению весело улыбаясь. «Не могу ли я, леди, сделать для вас какие-нибудь рождественские покупки? — спросил он. — Я сейчас отправляюсь в Кестон».

Он задержался на одну-две минуты, смеясь и болтая, а потом вышел. Как я вам сказала, я была встревожена и тотчас же сказала:

«Где миссис Сандерс? Никто не знает?»

Мисс Троллоп сказала, что она пошла к своим знакомым, Мортимерам, поиграть в бридж, и на какое-то время у меня отлегло от сердца. Но я все еще очень беспокоилась и совершенно не знала, что мне делать. Примерно через полчаса я поднялась к себе. На лестнице встретилась с д-ром Коулсом, моим врачом, который спускался вниз, и поскольку мне хотелось спросить его насчет моего ревматизма, я тут же пригласила его к себе в комнату. Он сообщил мне тогда (он сказал — по секрету) о смерти бедняжки Мэри. Хозяин не хотел, чтобы эта новость распространилась, сказал он, так что не смогу ли я сохранить ее в тайне. Я, конечно, не сказала ему, что вот уже целый час — с тех пор, как бедная девочка перестала дышать, — мы ни о чем другом не говорили. Такие вещи всегда становятся известны сразу, и человек с его опытом должен был бы хорошо это знать; но д-р Коулс всегда был простым и бесхитростным малым, который верил тому, чему хотел верить; это-то и встревожило меня минуту спустя. Уходя, он сказал, что Сандерс просил его посмотреть его жену. Она как будто неважно себя чувствовала — расстройством желудка и тому подобное.



Но в тот же самый день Гледис Сандерс говорила мне, что у нее отличное пищеварение и как она этому рада.

Видите? Все мои подозрения против этого человека ожили вновь, увеличившись во сто крат. Он готовил путь — но к чему? Д-р Коулс ушел прежде, чем я решила, говорить мне с ним или нет, — хотя если бы я заговорила, я не знала бы, что сказать. Когда я выходила из комнаты, Сандерс собственной персоной спускался по лестнице с верхнего этажа. Он был в пальто, собирался уходить и снова спросил меня, не может ли он чего-нибудь сделать для меня в городе. Как это мне ни было трудно, я должна была ему вежливо ответить! Я сразу же направилась в гостиную и заказала чай. Я помню, что было ровно половина шестого.

Мне очень хочется ясно передать, что произошло дальше. Без четверти семь я все еще сидела в гостиной, когда вошел мистер Сандерс. С ним было два джентльмена, и у всех трех было заметно некоторое оживление. М-р Сандерс оставил своих друзей и подошел прямо к тому месту, где сидели мы

с мисс Троллоп. Он объяснил, что хотел бы посоветоваться с нами насчет подарка жене на Рождество. Это была сумочка к вечернему платью.

«Видите ли, леди, — сказал он, — я всего лишь простой моряк. Что я понимаю в таких вещах? Я попросил прислать мне три, чтобы выбрать, какая больше понравится, и мне хочется услышать о них мнение экспертов».

Мы сказали, что, конечно, с радостью ему поможем, и он сказал, не возражали бы мы против того, чтобы подняться вверх, поскольку жена может прийти в любую минуту, если он принесет вещи вниз. Так что мы поднялись с ним вверх. Никогда не забуду, что случилось дальше, — я и сейчас чувствую, как у меня немеют мизинцы.

М-р Сандерс открыл двери спальни и включил свет. Не знаю, кто из нас первым увидел...

Миссис Сандерс лежала на полу, ничком, мертвая.

Я ПЕРВАЯ подошла к ней. Опустилась на колени, взяла руку и стала щупать пульс, но было бесполезно, рука уже похолодела и не гнулась. Прямо у ее головы лежал чулок с песком — оружие, которым она была убита. Мисс Троллоп, глупое создание, все стонала и стонала у дверей, держась за голову, Сандерс громко воскликнул: «Моя жена, моя жена!» — и бросился к ней. Видите ли, в тот момент я была уверена, что это сделал он и что ему может быть хотелось что-то убрать или спрятать.

«Ни к чему не прикасаться, — сказала я. — Соберитесь с духом, мистер Сандерс. Мисс Троллоп, спуститесь, пожалуйста, вниз и приведите хозяйню».

Я осталась там, стоя на коленях, рядом с телом. Я не собиралась оставлять м-ра Сандерса с ним наедине. И все же я была вынуждена признать, что если он играл роль, то играл ее великолепно. Он выглядел ошеломленным, сбитым с толку и испуганным до потери сознания.

Не прошло и минуты, как хозяин был с нами. Он быстро осмотрел комнату, потом выставил нас всех за дверь и запер ее, забрав с собой ключ. Потом он пошел и позвонил в полицию. Казалось, прошла целая вечность, прежде чем она появилась (потом мы узнали, что линия была испорчена). Хозяину пришлось послать посыльного в полицейский участок, а лечебница находилась как раз за городом, на самом краю вересковой пустоши; и миссис Карпентер всех нас порядочно измучила. Она так радовалась, что ее пророчество: «Бог троичу любит» — столь быстро сбылось. Я слышала, как Сандерс вышел в сад, сжимая голову, издавая стоны и проявляя другие признаки горя.

Однако, наконец, явилась и полиция. Они поднялись вверх с хозяином и м-ром Сандерсом. Потом послали вниз за мной. Я поднялась вверх. Там у стола сидел инспектор и писал. У него был вид умного человека, и он мне понравился. Он сказал:

«Мисс Джейн Марпл?»

«Да».

«Мне сказали, сударыня, что вы присутствовали, когда было обнаружено тело умершей».

Я сказала, что присутствовала, и точно описала, что произошло. Думаю, что для бедняги было облегчением найти кого-то, кто мог связано отвечать на его вопросы, после того как ему пришлось иметь дело с Сандерсом и Эмили Троллоп, которая, как мне говорили, была совершенно деморализована — еще бы ей не быть, глупому созданию! Я помню, моя дорогая матушка учила меня, что настоящая леди должна всегда уметь держать себя в руках в обществе, как бы сильно она не предавалась отчаянию наедине сама с собой. — Превосходный афоризм, — серьезно сказал сэр Гэнон.

Когда я закончила, инспектор сказал:

«Благодарю вас, сударыня. К сожалению, теперь я должен попросить вас еще раз взглянуть на тело. Лежит оно точно в том же положении, в каком лежало, когда вы вошли в комнату? Не было ли оно как-нибудь сдвинуто?».

Я объяснила, что не дала м-ру Сандерсу этого сделать, и инспектор одобрительно кивнул.

«Джентльмен, кажется, ужасно расстроен», — заметил он.

«Да, кажется, так», — ответила я.

По-моему, я не сделала особого удара на «кажется», но инспектор довольно пристально поглядел на меня. Он сказал:

«Итак, мы можем заключить, что тело лежит точно так же, как лежало, когда его нашли?»

«Да, кроме шляпы, — ответила я.

Инспектор быстро поднял глаза вверх.

«Что вы хотите сказать — кроме шляпы?»

Я объяснила, что шляпа была на голове бедной Гледис, тогда как теперь валялась рядом. Я, разумеется, думала, что это сделала полиция. Однако, инспектор настойчиво это отрицал. Ничего пока что не двигали и не трогали. Он стоял и смотрел на эту бедную распростертую на полу фигуру, озадаченно хмурия брови. На Гледис было то, в чем она выходила на улицу, — темно-красное твидовое пальто с серым меховым воротником. Дешевая шляпа из красного фетра лежала тут же у ее головы.

НЕСКОЛЬКО минут инспектор простоял молча, хмураясь своим мыслям. Потом его осенила идея.

«Не можете ли вы случайно припомнить, сударыня, были ли у нее в ушах серьги и вообще носила ли усопшая серьги?»

Что ж, по счастью я имею привычку внимательно наблюдать за всем. Я вспомнила, что из-под поля шляпы блеснули жемчужинки, хотя в то время я не обратила на это особого внимания. На первый вопрос я смогла ответить утвердительно.

«Тогда это объясняет все. Принадлежащий леди ящичек с драгоценностями был ограблен — хотя, насколько мне известно, у нее не было ничего особенного ценного, — кольца сняты с пальцев. Убийца, должно быть, забыл про серьги и вернулся за ними, когда убийство было обнаружено. Хладнокровный господин! Или, может быть... — он внимательно оглядел комнату и медленно сказал: — он мог находиться в комнате, — в укрытии — все время».

Но я отвергла эту мысль. Объяснила, что сама заглянула под кровать. А хозяин отворял дверцы гардероба. Больше человеку нигде было спрятаться. Правда, в средней части гардероба было заперто отделение для шляп, но так как там всего лишь узкое пространство с полками, никто там не мог скрываться.

Пока я все это излагала, инспектор медленно кивал головой. «В этом я полагаюсь на вас, сударыня, — сказал он. — В таком случае он должен был вернуться. Очень хладнокровный господин».

«Но хозяин запер дверь и забрал ключ!»

«Ничего не значит. Балкон и пожарная лестница — вот как забрался вор. Что ж, вполне вероятно, что вы и впрямь застали его за этим занятием. Он выскочил в окно, а когда вы ушли, он снова тут как тут и продолжает свое дело».

«Вы уверены, — сказала я, — что вор был?»

Он сухо сказал:

«Похоже, что так, не правда ли?»

Но что-то в его тоне удивило меня. Я почувствовала, что он не станет слишком серьезно относиться к м-ру Сандерсу в роли обездоленного вдовца.

Видите ли, признать это откровенно, я была абсолютно во власти того, что наши соседи французы называют, кажется, идеей фикс. Я знала, что этот человек, Сандерс, собирался умертвить жену. Чего я не допускала, так это странной и фантастической вещи — совпадения. Мои представления о м-ре Сандерсе — я была в этом уверена — были совершенно справедливы и верны. Этот человек негодяй. И хотя его приторное выражение горя ни на минуту меня не обмануло, я помню, что действительно почувствовала в то время, что удивление и растерянность были сыграны им превосходно. Они выглядели совершенно естественно — вы понимаете, что я имею в виду. Но должна сознаться, что после разговора с инспектором странное чувство сомнения закралось ко мне в душу. Потому что если Сандерс совершил эту ужасную вещь, я не могла вообразить ничего, что заставило бы его вернуться, пробираясь по пожарной лестнице, и вынуть серьги у жены из ушей. Это было бы неразумно, а Сандерс был такой разумный человек — вот почему я всегда чувствовала, что он так опасен.

МИСС Марпл взглянула на своих слушателей. — Вы, вероятно, поняли, куда я веду? Как часто в этом мире происходит то, чего не ожидаешь. Я была так уверена; это-то, по-моему, и ослепило меня. Окончательный вы-

вод был для меня настоящим шоком. Вне всяких сомнений: м-р Сандерс никак не мог совершить этого преступления.

У миссис Бэнтри вырвался вздох изумления. Мисс Марпл повернулся к ней.

— Я знаю, дорогая, это не то, чего вы ожидали, когда я начала эту историю. Это было не то, чего ожидала и я. Но факты есть факты, и если человеку докажут, что он неправ, он должен смириться и начать сызнова. Что в душе м-р Сандерс был убийцей, я знала, и не произошло ничего, что могло поколебать мое твердое убеждение.

А теперь, я полагаю, вам хочется услышать, что было на самом деле. Миссис Сандерс, как вы знаете, провела вечер, играя с друзьями, Мортимерами, в бридж. Она ушла от них примерно в четверть седьмого. От дома ее друзей до лечебницы было около четверти часа ходьбы — меньше, если идти быстро. Значит, она должна была прийти около половины седьмого. Никто не видел, как она вошла, так что она, должно быть, прошла через боковую дверь и поспешила прямо наверх, к себе в комнату. Там она переоделась (коричневый жакет и юбка, в которых она ходила играть в бридж, висели в гардеробе) и, очевидно, снова собиралась уйти, когда обрушился этот удар. Возможно, она даже и не знала, кто ударил ее. Мне говорили, что мешок с песком — очень эффективное оружие. Получается, будто нападавшие прятались в комнате, возможно, в одном из больших отделений шкафа — в том, которого она не открывала.

Теперь о передвижениях м-ра Сандерса. Как я сказала, он вышел около половины шестого или чуть позже. Сделал кое-какие покупки в одном-двух магазинах и около шести часов вошел в Гранд-Спа-Отель, где встретился с двумя своими друзьями — теми самыми, с которыми потом вернулся в лечебницу. Они играли в бильярд и — там, мне сказали, — выпили вместе изрядное количество виски с содовой. Эти два человека действительно были с ним все это время, начиная с шести. Они пришли с ним в лечебницу, и он оставил их лишь затем, чтобы подойти к нам с мисс Троллоп. Это, как я уже сказала, было около без четверти семь — в это время его жена должна была быть мертва.

Должна вам сказать, что я сама поговорила с этими его друзьями. Они мне не понравились. Они не были ни приятными мужчинами, ни джентльменами, но в одном я была абсолютно уверена: они говорили чистую правду, что м-р Сандерс провел в их обществе все это время.

Всплыла еще одна маленькая подробность. Оказалось, что во время бриджа миссис Сандерс вызвали к телефону. С ней хотел поговорить некий м-р Литтлуорт. Она казалась одновременно чем-то взволнованной и обрадованной и, между прочим, допустила одну или две грубых ошибки. И ушла гораздо раньше, чем ожидали.

М-ра Сандерса спросили, не знает ли он среди друзей жены человека по фамилии Литтлуорт, но он заявил, что никогда не слышал о человеке с такой фамилией. Мне казалось, это подтверждало и поведение его жены: ей фамилия Литтлуорт тоже была, видимо, незнакома. Тем не менее она вернулась, поговорив по телефону, улыбающаяся и раскрасневшаяся, так что, похоже, что кто бы ни был этот человек, он не назвал своего настоящего имени, а это само по себе подозрительно, не так ли?

Во всяком случае, дело сводилось к следующему: чему следовало верить — истории с ограблением, казавшейся невероятной, или, напротив, предположению, что миссис Сандерс собиралась выйти на улицу, чтобы с кем-то встретиться? Поднялся ли этот кто-то в ее комнату по пожарной лестнице? Произошла ли ссора? Или он предательски напал на нее?

МИСС Марпл остановилась.

— Ну, — сказал сэр Генри. — Каков же ответ?

— Мне интересно, смог ли бы кто-нибудь из вас догадаться?

— Я всегда плохо угадываю, — сказала миссис Бэнтри. — Жаль, что у Сандерса было такое прекрасное алиби, но если оно удовлетворило вас, с ним, должно быть, все в порядке.

Джейн Хелиер повернула свою красивую голову и задала вопрос:

— Почему, — сказала она, — было заперто отделение для шляп?

— Как это умно с вашей стороны, дорогая, — сказала мисс Марпл с сияющим лицом. — Над этим я и билась сама.



Хотя объяснение было совсем простое. Там лежала пара вышитых комнатных туфель и несколько носовых платков, которые бедная девочка вышивала для своего мужа к Рождеству. Вот почему она запирала это отделение. Ключ нашли у нее в сумочке.

— О! — сказала Джейн. — Тогда это не так уж интересно.

— О, да, очень, — сказала мисс Марпл. — Это единственная действительно интересная вещь; это то, что спутало все планы убийцы.

Все пристально посмотрели на старую леди.

— Я сама не понимала этого два дня, — сказала мисс Марпл. — Я ломала и ломала себе голову, а потом вдруг все поняла совершенно отчетливо. Пошла к инспектору и попросила его попробовать сделать одну вещь — и он попробовал.

— Что вы попросили его попробовать?

— Я попросила его надеть шляпу на голову бедной девочки — и он, разумеется, не смог. Она не налезала. Это была не ее шляпа, понимаете?

Миссис Бэнтри посмотрела на нее широко открытыми глазами.

— Но начать с того, что она была у нее на голове?

— Не у нее на голове...

Мисс Марпл мгновенно помолчала, чтобы ее слова дошли до слушателей, и продолжила:

— Мы считали как нечто само собой разумеющееся, что там лежало тело бедной Гледис, но мы ни разу не взглянули на ее лицо. Помните, она лежала ничком, и все было закрыто шляпой.

— Но она была убита?

— Да, позже. В тот момент, когда мы звонили в полицию, Гледис Сандерс была жива и здорова.

— Вы хотите сказать, что кто-то изображал ее? Но когда вы к ней прикоснулись, наверняка...

— Это было мертвое тело, совершенно верно, — серьезно сказала мисс Марпл.

— Но, черт побери, — сказал полковник Бэнтри, — мертвое тело не разобудешь на каждом углу. Что они сделали с первым трупом потом?

— Он отнес его обратно, — сказала мисс Марпл. — Мысль была безнравственная, но хитрая. Ее заронил ему в голову наш разговор в гостиной. Тело бедной Мэри, горничной, — отчего бы им не воспользоваться? Помните, комната Сандерсов находилась наверху, среди комнат прислуги. Комната Мэри была от них через две двери. Могильщики должны были появиться лишь с наступлением темноты — на это он и рассчитывал. Пройдя через байкон, он принес тело (а пять уже стемнело), надел на него одно из платьев жены и ее красное пальто. И тут он обнаружил, что отделение для шляп заперто! Единственное, что ему оставалось делать, это принести одну из шляп самой бедной девушки. Никто не заметит. Рядом с ней он положил мешок с песком. Затем отправился устанавливать свои алиби. Он позвонил жене, назвавшись м-ром Литтлуортом. Не зная, что он ей сказал, она была доверчива, как я уже говорила. Но он добился того, чтобы она рано ушла с бриджа и не возвращалась в лечебницу, и договорился встретиться с ней в 7 часов в парке лечебницы, неподалеку от пожарной лестницы. Он, вероятно, сказал ей, что у него приготовлен для нее какой-то сюрприз.

Он возвращается в лечебницу с друзьями и подстраивает так, что мы с мисс Троллоп вместе с ним обнаруживаем преступление. Он даже изображает попытку перевернуть тело — а я его останавливаю! Потом посылают за полицией, а он, шатаясь, выходит в сад.

НИКОГДА не требовал от него алиби после преступления. Он встречает жену, поднимается с ней по пожарной лестнице, они входят в комнату. Возможно, он уже рассказал ей какую-то историю о трупе. Она наклоняется над ним, он поднимает свой мешок с песком и бьет... О боже! Мне даже и сейчас дурно при этой мысли. Потом он быстро

стаскивает с нее жакет и юбку, вешает их в шкаф и надевает на нее одежду с другого тела.

Но шляпа не налезает. У Мэри волосы были коротко острижены, а Гледис Сандерс, как я сказала, носила большой пучок. Он был вынужден оставить шляпу рядом с телом, надеясь, что никто не заметит. Потом он снова отнес тело бедной Мэри в ее комнату и еще раз придал ему соответствующий вид.

— Это кажется невероятным, — сказал д-р Ллойд. — Пойти на такой риск. Полиция могла появиться слишком быстро.

— Помните, линия была неисправна, — сказала мисс Марпл. — Это была его работа. Он не мог допустить слишком быстрого появления полиции на месте преступления. А когда они, наконец, появились, то прежде чем подняться в спальню, пробыли какое-то время в кабинете хозяина. Это было самым уязвимым местом — вероятность того, что кто-то может заметить разницу между телом человека, умершего два часа назад, и человека, умершего каких-нибудь полчаса назад. Но он рассчитывал на то, что у людей, которые первыми обнаружат преступление, не будет специальных знаний.

Д-р Ллойд утвердительно кивнул.

— Они должны были предполагать, что преступление совершено без четверти семь или около того, я полагаю, — сказал он. — В действительности же оно было совершено в семь или немного позже. Осмотр тела хирургом, прибывшим с полицией, мог начаться самое раннее в половине восьмого. Он не мог знать наверняка.

— Это должна была знать я, — сказала мисс Марпл. — Я держала руку бедной девушки, и она была ледяная. И все же немного погодя, когда инспектор говорил так, словно убийство было совершено как раз перед нашим приходом, я ничего не сообразила!

— По-моему, вы соображаете многое, мисс Марпл, — сказал сэр Генри. — Это дело прошло не на моей памяти. Не помню, чтобы я слышал об этом. Что произошло дальше?

— Сандерса повесили, — отчетливо произнесла мисс Марпл. — И хорошо сделали. Я никогда не жалела о том, что я сделала, чтобы этот человек предстал перед судом. Мне претят филантропические угрызения совести, которые существуют сейчас в отношении высшей меры наказания.

Ее суровое лицо смягчилось.

— Но я часто упрекаю себя, что не смогла спасти жизнь бедной девочки. Но кто стал бы слушать старуху, которая спешит со своими выводами? Что ж, кто знает? Может, для нее было лучше умереть, пока ее жизнь была счастливой, нежели жить в несчастье, утратив свои иллюзии, в мире, который вдруг оказался страшным. Она любила этого негодяя и верила ему. Она никогда не узнала, каков он на самом деле.

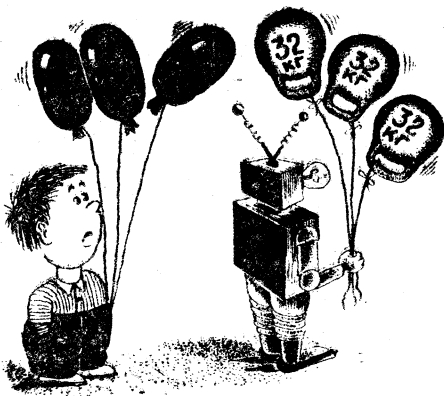


Рис. В. Стародумова.



Рис. В. Сушенцова.

НАЗЫВАЙТЕ ЕГО ГОСПОДИН

ГОРДОН
ДИКСОН

Художник И. Кожевников

Он призвал и направил меня:
— И так я узнал его;
Но в нём не было истинны:
— И тогда я убил его.

Песнь Носителя Щита.

СОЛНЦЕ ещё не успело подняться над горами Кентукки, а Кайл Арнам уже проснулся. Он встал, оделся и вышел, чтобы оседлать лошадей. Ему понадобилось некоторое время, чтобы взбудить и успокоить неровного жеребца. Затем он отпустил обеих лошадей неподалеку и отправился завтракать.

Письмо, полученное неделю назад, лежало на столе рядом с тарелкой. Тина, его жена, резала хлеб, стоя к нему спиной. Он сел и начал есть, а который раз перечитывая письмо.

«...Принц прибудет инкогнито. Имени и звания наследника никто знать не должен. Называйте его «Господин», а не «Ваше Величество...»

— Почему обязательно должен быть ты? — спросила Тина.

Он поднял глаза и увидел, что она по-прежнему стоит, отвернувшись.

— Мои предки, Тина, всегда охраняли его предков во время войны с инопланетянами. Я тебе рассказывал. Мои предки не раз спасали жизнь его предкам, когда корабли планеты Рэк атаковали корабль Императора, и он был вынужден вступить в бой, спасая свою жизнь.

«Но инопланетяне давно мертвы, а Император правит сотнями миров. Почему бы его сыну не отправиться в свое Большое Путешествие туда. Почему он приезжает именно сюда, на Землю, и именно к тебе?»

— Потому что Земля только одна.

— И ты, конечно, только один такой?

Кайл вздохнул про себя и сдался. После смерти матери его воспитывали мужчины — отец и дядя, — поэтому в спорах с Тиной он всегда чувствовал себя беспомощным. Он встал из-за стола, подошел к ней и, положив руки ей на плечи, безуспешно попытался повернуть ее к себе. Снова тихонько вздохнул и решил собираться в дорогу. Достав заряженный пистолет, он выбрал подходящую кобуру и пристегнул к поясу слева так, чтобы складки кожаной куртки закрыли ее. Затем выбрал нож с черной рукояткой и длинным, шестидюймовым лезвием и, вложив его в ножны, спрятал внутри голенища сапога. Можно ехать.

— Ему здесь нечего делать, — зло сказала Тина, обращаясь к доске для нарезания хлеба, — туристы должны ходить по музеям и придерживаться туристских маршрутов.

— Он не турист. Ты знаешь, — терпеливо ответил Кайл. — Он старший сын императора и его пра-прабабка была с Земли. Его жена тоже будет с Земли. В каждом четвертом поколении старший сын Императора должен жениться на земной женщине. Таков закон.

Он пошел к двери, затем остановился.

— Тина, — позвал он ее.

Она не ответила.

— Тина, — снова повторил он. Не дожидаясь ответа, подошел к ней, снова попытался повернуть ее так, чтобы можно было заглянуть в глаза. И снова она хотела высвободиться, но на этот раз у нее ничего не вышло. Он не был высоким, скорее среднего роста, широкоплечий. Но силы необыч-

новенной. Только он мог заставить своего белого жеребца опуститься на колени, ухватив за гриву руками.

Он легко повернул ее и внимательно посмотрел ей в глаза. «А теперь послушай меня...», — начал он. Но прежде, чем он успел договорить, она как-то вся поникла и дрожа прижалась к нему.

— У тебя будут из-за него неприятности, я это знаю, — проговорила она, уткнувшись мужу в грудь.

ОН молча гладил ее мягкие волосы. Да и что он мог ей сказать. Он был не в силах остаться. Во все времена жены, обнимая своих мужей, умоляли их не делать того, чего не делать было никак нельзя. И всегда мужья, крепко прижимая к себе жен, тщетно надеялись, что смогут хотя бы таким образом заставить их понять. Слова здесь ничего не значили.

Поэтому Кайл, постояв еще несколько мгновений, мягко высвободился из ее рук и вышел. Проезжая мимо, он заглянул в окно кухни и увидел, что она стоит в той же позе, в какой он ее оставил. Она даже не плакала.

Он ехал лесом по склонам Кентуккского холма, затем спустился в долину, и, недалеко от ворот охотничьего домика, заметил высокого бородатого человека, одетого так, как принято одеваться у людей из Молодых Миров.

Когда Кайл подъехал поближе, то заметил, что борода у чужестранца седая, а его покрасневшие от бессонницы глазах затаились беспокойство.

— Он во дворе, — сказал седобородый незнакомец. Красные глаза Монтлавена умоляюще смотрели на Кайла.

— Держитесь подальше от головы моего жеребца, — сказал Кайл, — и проводите меня к нему.

— Эта лошадь не для него, — сказал Монтлавен, с беспокойством глядя на жеребца и пятясь назад.

— Да, — сказал Кайл, — он получит мерина.

— Ему это не понравится.

— Он не сможет подчинить себе жеребца, — сказал Кайл, — даже если я ему разрешу, он все равно с ним не справится. Я — единственный человек, который может сесть в это седло. Идемте к нему.

Наставник повернулся и вошел в маленький, заросший травой двор. Кайл, спешившись, последовал за ним и увидел высокого юношу лет 19, с копной светлых волос. Подле его ног лежала пара плотно набитых седельных сумок. Он встал, когда Кайл и наставник подошли к нему.

— Ваше Величество, — сказал наставник, — это Кайл Арнам, Ваш телохранитель на три дня, которые Вы проведете здесь.

— Доброе утро, телохранитель... Кайл, — Принц озорно улыбаясь. — Можно отправляться.

— Вы поскочите на мерине, Господин, — сказал Кайл. Принц посмотрел на него, закинул назад белокурую голову и засмеялся.

— Я умею ездить верхом, — сказал он, — я это дело хорошо знаю.

— Но с этой лошадкой у Вас ничего не выйдет, Господин, — отбил Кайл спойкой. — Она не слушается никого, кроме меня. — Смех угас, зрачки наследника сузились, но через секунду он взял себя в руки.

— Мне ничего не остается, как согласиться, — Принц пожал плечами. — Я всегда со всеми соглашаюсь. Ну, почти всегда.

ПРИНЦ повернулся к мерину и быстрым движением вскочил в седло. Мерин фыркнул и присел от неожиданности, когда длинные пальцы юноши уверенно натянули поводья, выпрямился и сник. Принц бросил короткий взгляд на Кайла, который уже сидел как влитой на своем белом жеребце.

— Надеюсь, ты вооружен, мой добрый Кайл? — спросил Принц весело. — И сможешь защитить меня от диких аборигенов?

— Ваша жизнь в моих руках, Господин, — сказал Кайл. Он расстегнул куртку так, чтобы Принц смог увидеть пистолет в кобуре, и снова застегнул ее.

— Постарайтесь, — наставник положил руку на колено юноше, — не быть безрассудным, мой мальчик. Это Земля, и у людей здесь совсем не такие обычаи, как у нас. Думайте прежде чем...

Перевод М. Назмексона

— Да хватит уже, Монти, — резко прервал его Принц. — Я буду таким же старомодными и незаметным, как они. Ты думаешь, что я все забыл? Так или иначе, через три дня мой отец, Император, присоединится ко мне. А теперь оставь меня!

Он отвернулся, подался вперед и дал шпоры коню. Взбитая копытами, закружилась пыль, и всадник скрылся из виду. Кайл, натянув поводья, сдерживал своего жеребца, который нетерпеливо перебирал копытами.

— Дайте мне его седельные сумки, — сказал Кайл. Наставник наклонился и поднял их с земли. Прикрепив сумки Принца поверх своих у холки жеребца, Кайл посмотрел на наставника и увидел в его глазах слезы.

— Он хороший мальчик. Вы увидите, убедитесь сами, — лицо Монти выражало безмолвную мольбу.

— Я знаю, что он из хорошей семьи, — медленно проговорил Кайл. — Я сделаю все, что смогу.

Кайл выехал из ворот. Пыль, поднятая копытами коня Принца, уже рассеялась, но определить, куда он направился, не составляло для Кайла никакого труда: взбитые комья земли и примятая трава указывали дорогу. Она и вывела Кайла на открытую лужайку, где Принц, не слезая с седла, глядел в небо через какой-то оптический прибор.

Когда Кайл приблизился, Принц опустил прибор и, не говоря ни слова, передал его Кайлу.

В фокусах отрегулированных линз Кайл увидел одну из трех энергетических станций, вращающихся на орбите планеты.

Перебирая руками поводья, наследник сказал:

— Дорогой подарок Империя сделала землянам для того, чтобы избежать нового ледникового периода. А что мы получили взамен?

— Землю, Господин, — ответил Кайл. — Такую, какой она была до того, как люди отправились к звездам.

— Порядок в музее можно было поддерживать при помощи одной станции и нескольких тысяч персонала, — сказал Принц. — Память многого стоит нам. Не надо превращать заповедник в рассадник дикости и варварства. Я подумаю об этом, когда стану Императором.

— Как пожелаете, Господин, — Кайл подобрал поводья.

— А кроме того, — продолжал Принц, когда они въехали в сосновый лес, — я не хочу, чтобы ты меня неверно понял — я действительно люблю старину Монти, просто совершенно сюда не собирался. Смотри на меня, телохранитель!

КАЙЛ повернулся и увидел жесткие голубые глаза, которые были отличительной чертой всех членов императорской семьи. Затем, неожиданно, взгляд Принца смягчился, и он рассмеялся.

— Тебя не так-то легко испугать, телохранитель... Кайл? — сказал он. — Думаю, что ты мне понравишься. Но ты должен смотреть на меня, когда говорю.

— Да, Господин.

— Так-то, мой добрый Кайл. Я уже говорил, что вовсе не собирался сюда в свое Большое Путешествие. Не понимал, почему я должен посетить вашу пыльную, старую, музейную планету, где люди продолжают жить так, как они жили в средние века. Но мой отец уговорил меня.

— Ваш отец, Господин? — спросил Кайл.

— Да, но он обманул меня, — задумчиво произнес Принц. — Мы должны были встретиться здесь через три дня. А теперь он сообщил, что вынужден задержаться. Впрочем, это не имеет значения. Важно то, что он и еще несколько стариков считают, что ваша Земля — нечто очень важное и драгоценное. А я люблю своего отца и восхищаюсь им, Кайл. Как ты думаешь, это хорошо?

— Да, Господин.

— Я знал, что ты так ответишь. Да, он — единственный человек на свете, на которого я смотрю снизу вверх. И чтобы доставить ему удовольствие — только ему, Кайл, — я не собираюсь усложнять твою задачу во время моего пребывания здесь. Надеюсь, ты меня понял? — он в упор посмотрел на Кайла.

— Я понимаю, — ответил Кайл.

— Вот и хорошо, — сказал Принц, снова улыбнувшись. — А теперь ты можешь начать рассказывать мне про деревья, птиц и зверей, чтоб я мог запомнить это все и порадовать



моего отца, когда он сюда прибудет. Что это за пташки, вон там, на дереве — коричневые, с белым брюшком?

— Это птицы вири, Господин, — ответил Кайл. — Они живут в глухих лесах, где всегда тихо. Послушайте!

Кайл придержал лошадь Принца под уздцы, и всадники остановились. В наступившей тишине зазвучало нежное пение птиц. Трели то раскатисто взмывали ввысь, то были едва слышны, тембр постепенно спадал, и вот мелодия смолкла совсем. Еще некоторое время Принц сидел неподвижно, задумавшись о чем-то, потом встрепенулся и проговорил медленно: «Интересно». Затем взял поводья из рук Кайла и слегка прищипорил коня.

— Расскажи еще.

И пока солнце не приблизилось к полудню, они ехали через леса и холмы, а Кайл рассказывал про зверей, насекомых, деревья и скалы. И все это время Принц слушал то внимательно, то отвлекаясь, но всегда с интересом. Когда солнце оказалось в зените, он прервал Кайла.

— Хватит. Мы что, не будем завтракать? Проехали в какую-нибудь деревушку, где есть приличная таверна.

— Да, Господин, — сказал Кайл, — следуйте за мной.

ВСАДНИКИ стали подниматься в гору.

— А теперь слушай, — сказал Принц. — Правильно ли я все это запомнил?

И, к удивлению Кайла, начал позторять почти слово в слово все, что Кайл успел ему рассказать.

— Я ничего не забыл? Все правильно?

— Да, Господин, — сказал Кайл. Принц хитро посмотрел на него.

— А ты мог бы так, Кайл?

— Да, — ответил Кайл — ведь я знаю это всю жизнь.

— Вот видишь, — Принц улыбнулся, — в этом и заключается разница между нами, мой добрый Кайл. Тебе нужна жизнь, чтобы выучить что-нибудь, а мне понадобится всего несколько часов. А ведь я теперь знаю столько же, сколько и ты.

— Не совсем так, Господин, — проговорил Кайл медленно.

Принц косо взглянул на него и, чуть рассердившись, махнул рукой, как бы отмета слова Кайла.

— То небольшое, что осталось, не имеет никакого значения, — сказал он.

По извиляющейся тропинке они въехали в небольшую деревушку. Из длинного приземистого здания с широко открытыми дверями доносилась музыка.

— Что это? — Принц даже приостал в стременах. — О, да там танцуют, посмотри.

— Это пивная, Господин. А сегодня суббота. Конец недели.

— Отлично. Тут мы и позавтракаем.

ОНИ подъехали к пивной, уселись за столик недалеко от танцплощадки. Хорошенькая молодая официантка подошла, чтобы принять заказ, и Принц так лучезарно ей улыбнулся, что она не удержалась и улыбнулась в ответ, а потом вдруг смутившись, быстро убежала. Принц жадно съел все, что ему принесли, и выпил полторы кружки черного пива, а Кайл почти ничего не ел и выпил чашку кофе.

— Другое дело, — сказал Принц, откинувшись на стуле. — Взгляни-ка, Кайл! Вон там — пять, нет, семь, летающих экипажей. Выходит, не все у вас ездят верхом?

— Вовсе нет, — ответил Кайл, — каждый передвигается так, как хочет.

— Но если у вас есть такие экипажи, почему вы не пользуетесь и другими достижениями цивилизации?

— Некоторые вещи подходят для нас, а некоторые — нет, Господин, — ответил Кайл.

Принца это заявление развеселило.

— Не хочешь ли ты сказать, что вы пытаетесь подогнать достижения цивилизации под ваш устаревший мир? Не кажется ли тебе, что это не совсем правильный путь? — Он вдруг замолчал. — А что, ваши музыканты играют недурно. Мне нравятся мелодии. Бьюсь об заклад, я смог бы это станцевать.

Он приостал и, задержавшись, посмотрел на Кайла.

— Ты не собираешься меня остановить?

— Нет, Господин. Вы можете делать все, что пожелаете.

ЮНОША быстрым шагом пошел к танцплощадке и нагнувшись к официантке, которая обслуживала их.

Кайл видел, что Принц схватил ее за руку, и девушка пытается что-то объяснить ему, но тот только раскачивается на своих длинных ногах и улыбается во весь рот. В конце концов, официантка сняла передник и вошла с Принцем в круг, по ходу объясняя, видимо, тонкости танца. Принц ухмылялся с поразительной быстротой. Вскоре он, весь сияя от удовольствия, уже легко крутил свою партнершу, ни в чем не уступая остальным танцующим. Но вот танец закончился, музыканты сложили инструменты и начали расходиться.

Девушка удерживала Принца, но он, не желая ничего слушать, запальчиво объяснялся с музыкантами. Кайл быстро встал из-за стола и направился к ним. Руководитель оркестра отрицательно покачал головой, взял футляр с кларнетом и пошел прочь. Принц бросился за ним, но девушка схватила его за руку. Принц вырвал руку и, схватив девушку за плечи, так резко оттолкнул ее, что она чуть не упала. Официант, обслуживающий посетителей в дальнем конце зала, положив на стол поднос, в какую-то долю секунды оказался на площадке. Он был примерно одного роста с Принцем и, вероятно, его ровесником. Он обхватил сзади Принца за талию и повернул к себе лицом.

Кайл услышал его рассерженный голос:

— Здесь себя так не ведут.

Принц ударил внезапно и сразу, как это сделал бы хорошо тренированный боксер, тремя молниеносными ударами слова, вкладывая всю силу в удары. Официант упал.

Кайл схватил Принца за руку и быстро увел его с площадки, где уже начали собираться зеваки. Принц был в ярости.

— Кто это? Как его зовут? — гневно рычал наследник, — он посмел прикоснуться ко мне! Ты видел это? Он прикоснулся ко мне!

— Вы избili его, и он потерял сознание. Разве вам этого недостаточно? — сказал Кайл.

— Но он же дал волю рукам, как ты этого не понимаешь! — выкрикнул Принц, — я хочу знать его имя!

Он схватился за стрекадину, к которой были привязаны лошади, отказываясь сдвинуться с места.

— Вам никто не назовет его имени, — сказал Кайл. Его ледяной тон, казалось, действовал на юношу успокаивающе.

Принц внимательно посмотрел на Кайла.

— И ты тоже не скажешь?

— И я тоже, Господин.

ПРИНЦ помолчал мгновение, затем отвернулся, отъезжал лошадей и вскочил в седло. Не говоря ни слова, он покакал вперед, Кайл последовал за ним. Они молча въехали в лес. Через некоторое время Принц заговорил, не поворачивая головы:

— И после этого ты называешь себя моим телохранителем?

— Ваша жизнь в моих руках, Господин, — ответил Кайл.

— Только моя жизнь? Не хочешь ли ты сказать, что они могут делать со мной, что захотят, главное, чтоб не убили? Так?

— Вроде того, Господин, — спокойно сказал телохранитель, выдержав длинную паузу.

Принц заговорил, и вновь в его голосе появилось нечто отравительное.

— Мне уже не кажется, что ты мне понравился, Кайл. Ты мне совсем не нравишься.

— Я нахожусь здесь вовсе не для того, чтобы нравиться вам, Господин, — сказал Кайл.

— Возможно, — угрожающе проговорил Принц, — но уж твоё-то имя я знаю!

Около полудня они ехали молча. Но затем лицо юноши просветлело, посадка расслабилась, и через некоторое время он начал что-то тихонько напевать на неизвестном Кайлу языке. Постепенно к Принцу вернулось хорошее расположение духа, и вскоре он уже разговаривал с Кайлом как ни в чем не бывало.

Посетив пещеру Мамонта и еще несколько местных достопримечательностей, путники некоторое время двигались берегом Зеленой Реки. Казалось, что Принц совсем забыл о происшествии в пивной и старался очаровать каждого, кто попадался навстречу. Уже вечерело, когда они подъехали к

небольшой деревушке на берегу реки. У дороги в окружении вековых сосен стояла гостиница, двухэтажное деревянное здание с массивным крыльцом и резными оконными ставнями.

— Мне здесь нравится, — сказал Принц. — Останемся на ночь, Кайл.

КОГДА Кайл отвел лошадей в конюшню и появился в баре, то увидел, что Принц уже сидит у стойки, пьет пиво и пытается очаровать официантку. Эта девушка была моложе той, из пивной. Небольшого роста, с мягкими, распушенными волосами и круглыми карими глазами. Девушка не скрывала удовольствия, что на нее обращает внимание красивый юноша.

— Да, — сказал Принц Кайлу после того, когда официантка ушла, чтоб принести Кайлу кофе, — это самый подходящий момент.

— Для чего, Господин? — спросил Кайл.

— Чтобы мне получше узнать здешних людей, — сказал Принц и рассмеялся. — Я буду наблюдать за ними, а ты будешь мне про них рассказывать, хорошо?

Кайл задумчиво посмотрел на него.

— Я расскажу вам все, что смогу, Господин.

Они пили — Принц пил свое пиво, а Кайл — кофе. Юноша постоянно задавал свои вопросы и без конца улыбался молоденькой официантке, обслуживающей их, единственных посетителей в баре.

— Почему на Земле продолжают жить прошлым? — спрашивал он Кайла. — Музейная планета — это одно. Но люди — не музейные экспонаты?

— Нет, не экспонаты, а живые люди, — отвечал Кайл. — Потому что только живые люди способны сохранить культуру. Мы сохраняем культуру Земли, чтобы быть образцом для Молодых Миров.

— Поразительно... — пробормотал Принц, но глаза его продолжали следить за официанткой, которая вся сияла и поглядывала на него из другого конца ресторанного зала, который ближе к ночи постепенно заполнялся людьми.

— Это вовсе не поразительно. Это необходимость, Господин, — говорил Кайл, но у него было ощущение, что юноша не слышит его.

Посидев еще некоторое время с Принцем, Кайл решил, что он может сходить в конюшню, чтобы проведать лошадей.

Когда он вернулся, Принца нигде не было. Кайл уселся за столом и стал ждать, но Принц не возвращался. Кайлу стало не по себе. Беспокойство заставило его еще раз направиться к конюшне. Но лошади по-прежнему мирно стояли возле яслей и жевали сено. Кайл пожал плечами и пошел к хозяйке гостиницы, хотя рассудок подсказывал ему, что это бесполезно. Так оно и есть, хозяйка гостиницы не имела ни малейшего представления, куда мог деться юноша.

— Если лошади на месте, он где-то поблизости, — сказал хозяин. — А здесь ему никакая беда не грозит. Может быть, он пошел прогуляться в лес. Я предупрежу портье, чтобы он поставил вас в известность, когда ваш друг вернется. Где вы будете?

— В баре до закрытия, а потом у себя в номере, — сказал Кайл.

Он пошел в бар и сел у открытого окна. Время шло, и посетителей в баре становилось все меньше и меньше. Часы над выставленными в ряд бутылками показывали два часа за полночь. Неожиданно через открытое окно Кайл услышал конское ржание. Он встал и быстро вышел. Он послепил в сторону конюшни. Там, при слабом ночном освещении увидел, что Принц неуклюже пытается оседлать свою лошадь, стоящую в проходе между стойлами.

— Седлай коня, — резко проговорил Принц; — мы уезжаем.

Кайл повернулся, чтобы посмотреть на него.

Принц был совершенно бледен, глаза набыкاته, от него сильно пахло пивом.

— Мы же собирались переночевать в гостинице.

— Ну и что? Едем, мне надо развеяться.—Юноша неловко вскинул ногу, вскарабкался в седло и, не дожидаясь Кайла, рванул поводья.

Кайл быстро отвязал лошадь и последовал за Принцем. В темноте определить, куда направился юноша, было невоз-



можно, но Кайл наклонился и подул в ухо жеребцу. Тот заржал от неожиданности, и сдержанным ржанием ответил конь Принца.

ТЕЛОХРАНИТЕЛЬ догнал юношу на вершине холма. Принц отпустил поводья, и лошадь шла медленно.

Принц тихонько напевал ту же песенку на незнакомом языке. Увидев Кайла, наследник ухмыльнулся и стал петь громче, будто вызывая. В непонятных словах Кайлу слышалось что-то насмешливое и скабрзное. И вдруг проводник понял.

— Девушка! — вскричал он, — малышка-официантка, где она?

Усмешка пропала с лица Принца, а затем медленно волеорилась обратно, наглая, нечистоплотная. Он смеялся над Кайлом.

— В своей комнате... Спит небось. Ей была оказана честь... Впрочем, она даже не догадывается об этом... И думает уром найти меня рядом с собой. Но немного ошибается. Не правда ли, мой добрый Кайл? — язык наследника заплетался, и Принц с трудом подыскивал нужные слова.

— Зачем Вы это сделали, Господин? — спросил Кайл.

— Зачем? — Принц пьяно смотрел на него, покачиваясь в седле. — Кайл, у моего отца четыре сына. А у меня три младших брата. Но именно я стану Императором, а Императоры не отвечают на вопросы.

Кайл ничего не сказал. Несколько минут всадники ехали в полном молчании.

— Хорошо, я скажу тебе, зачем я это сделал, — Принц заговорил членораздельней и громче. — Скажу потому, что ты не мой телохранитель, Кайл. Я раскусил тебя. Я знаю, чей ты телохранитель. Ты охраняешь их!

Челюсти Кайла сжались. Но в темноте это было незаметно.

— Хорошо, — Принц снова пошатнулся в седле. — Это твое дело, я не возражаю. Поиграем на счет. Помнишь, в

пивной того деревенского хама, который посмел прикоснуться ко мне. И ты сказал, что никто не назовет мне его имени. Так вот, для него ты оказался неплохим телохранителем. Что ж, ты заработал свое очко. Но уберечь девушку ты не смог. Теперь очко заработал я. Интересно, кто из нас победит, мой добрый Кайл?

Кайл перевел дыхание и спокойно сказал:

— Господин, придет время, и вашим долгом будет связать свою судьбу с земной женщиной...

Принц со смехом прервал его, и смех был отвратителен.

— Ты льстишь себе, — сказал он. Его голос посуровел. — В этом твоё несчастье, твоё и всех людей Земли. Вы ещё рассчитываете на какие-то права и привилегии. Но, заверяю тебя, я поставлю на место землян, когда, наконец, стану Императором.

ДОЛГО ехали молча. Кайл направлял своего жеребца так, чтобы его морда была на уровне плеча мерина, а сам внимательно наблюдал за юношей. Казалось, что Принц задремал, голова его опустилась на грудь, он ослабил поводья. Но через некоторое время встрепенулся, подобрался в седле и обратился к Кайлу. Его голос был равнодушным и холодным.

— Поехали туда, где есть пиво, Кайл.

Помещение, в которое они вошли, было большим и уютным. На стене за длинной стойкой висела сушеная рыба. Посетителей обслуживали три бармена — тот, который стоял посередине, был внушительным мужчиной среднего роста в переднике. Двое других были молодыми людьми крепкого телосложения. Посетители, в основном мужчины, сидели за столиками или за стойкой бара и были одеты кто в грубую одежду, кто в выходные костюмы.

Принц и Кайл сели за столик неподалеку от стойки. Когда подошла официантка, заказали пиво и кофе, и как только пиво оказалось на столе, Принц мгновенно осушил свою кружку и снова позвал официантку.

— Ещё, — сказал он. На этот раз он улыбнулся официантке, когда она принесла пиво. Женщине было за тридцать и ей было приятно его внимание, но не больше того. Она улыбнулась ему в ответ и отошла к стойке, где она разговаривала с двумя мужчинами примерно одного с ней возраста. Один из них был высокого роста, верзила, другой совсем маленький и плотный, коротышка.

Принц выпил. Поставив кружку, он, казалось, вспомнил про Кайла и повернулся к нему.

— Ты думаешь, я уже напился?

— Пока еще нет, — сказал Кайл.

— Ты прав, — отозвался Принц. — Пока еще нет. Но, возможно, я это сделаю. И кто может помешать, хотелось бы мне знать?

— Никто, Господин.

— Вот именно, — сказал юноша. — Ты совершенно прав. — Он заказал еще пива и принялся торопливо осушать кружки. На скулах у него появились пунцовые пятна.

— Когда тебе приходится торчать на паршивой планете рядом с паршивыми людишками... привет, красотка! — перебил он сам себя, когда официантка принесла очередную кружку пива. Она засмеялась и отошла к своим друзьям. — Вот тогда тебе приходится развлекаться всеми доступными способами, — закончил, наконец, свою мысль наследник и громко расхохотался.

— Как только вспомню, как мой отец, Монти и все остальные расписывали эту планетку, — он снова посмотрел на Кайла, — знаешь, мне иногда становилось страшно — ну не то, чтобы страшно, я ничего... не боюсь. Становилось не по себе при одной мысли, что мне когда-нибудь придется приехать сюда — Он снова рассмеялся. — Мне казалось, что я буду недостоин вас, земных людей! Кайл, ты был в каком-нибудь из Новых Миров?

— Нет.

— Я так и думал. Так вот, послушай, мой добрый Кайл: самые невзрачные из людей, живущих там, выше, красивее, умнее и бог его знает что еще, чем кто-либо из тех, с кем я встречался здесь. А я, Кайл, я — будущий Император — я лучше их всех.

ТЕЛОХРАНИТЕЛЬ молчал.

— А теперь попробуй угадай, какими вы кажетесь мне? — Принц выжидательно смотрел на Кайла. — Ну, отвечай же, мой добрый Кайл, говори мне правду. Это приказ.

— Судить не ваше дело, Господин, — сказал Кайл.

— Не мое дело? — в голубых глазах зажегся злой огонь. — Я буду Императором!

— Никто из людей не имеет права судить, Господин! — ответил Кайл. — Будь то Император или самый обычный человек. Император нужен, чтобы соединять вместе сотни миров. Ведь наша главная цель — выжить. Понадобились миллионы лет, чтобы на Земле появился разум, способный осознать это и противостоять времени. А люди, живущие в Новых Мирах, неминуемо меняются. Если они растеряют что-то принципиально важное, то могут вернуться сюда и восполнить пробелы здесь, на Земле.

Рот Принца перекосила злая гримаса.

— Отлично, Кайл, отлично! — сказал он. — Я все это уже слышал. И не раз. Тем не менее, не верю в софизмы и глупость предков. Я увидел вас и понял: вы ничем не лучше нас. А вот мы превосходим землян. Мы двигались вперед и стали лучше, в то время как вы застряли на месте. И вы это прекрасно знаете.

Юноша рассмеялся в лицо Кайлу.

— Единственное, чего вы боялись, — что мы узнаем об этом. И я узнал. Я посмотрел на вас, и теперь мне все ясно. Я выше, сильнее и храбрее любого из здесь присутствующих — и не потому, что я сын Императора, а потому, что я с этим родился. Я могу делать здесь все, что захочу, и ни один человек на этой планете не сможет мне помешать. Смотри!

Он резко встал.

— Я хочу, чтобы эта официантка как следует выпила со мной, — сказал Принц. — Предупреждаю тебя заранее. Ты попытаешься меня остановить?

Кайл поднял голову, глаза их встретились.

— Нет, Господин, — сказал телохранитель. — Это не входит в мои обязанности.

Принц засмеялся.

— Так я и думал, — сказал он и, покачиваясь, прошел между столиков к бару, где стояла официантка и продолжала разговаривать со своими приятелями.

Принц заказал новую кружку пива у бармена. Получив ее, он повернулся, положил локти на стойку и обратился к официантке, прервав одного из его собеседников.

Кайл услышал, как он сказал: «Я хочу поговорить с тобой».

Официантка удивленно оглянулась и, узнав его, улыбнулась, слегка смущенная столь откровенной бесцеремонностью. Ей льстило, что он так красив и молод.

— Вы ведь не возражаете, не так ли? — спросил Принц, глядя мимо нее на высокого мужчину, того, который, как раз в этот момент что-то говорил. Верзила внимательно посмотрел на Принца, и они несколько секунд не отводили глаз друг от друга. Затем мужчина сердито пожал плечами и повернулся к Принцу спиной.

— Вот видишь, — сказал, улыбаясь, Принц, — он уже понял, что тебе надо говорить со мной, а не...

— Ну хорошо, сынок. Минутку, — перебил его тот, который был поменьше ростом. С едва уловимым выражением удивления на лице, Принц повернулся, чтобы повнимательнее рассмотреть его. Но коротышка уже обращался к своему другу, стараясь удержать его за руку.

— Ну ладно, Бен, — говорил он. — Разве ты не видишь, мальчик слегка перебрал. — Затем мужчина перевел взгляд на Принца и процедил сквозь зубы. — Вон отсюда.

СЕКУНДУ Принц смотрел на него, ничего не понимая. Затем рванул вперед, схватил коротышку за плечо, но тот, брезгливо сгрывнув руку нападающего, поднял со стойки почти полную кружку пива, с которой еще не успел разделаться Принц, и выплеснул в лицо обнаглевшему юнцу.

— Убирайся, — сказал равнодушно.

Принц стоял неподвижно, и пиво капало у него с подбородка. Затем, даже не вытершись, он выбросил вперед хорошо натренированный левый кулак — так же, как в пизной.

Но коротышка был вовсе не похож на мальчишку-офици-

анта, с которым Принц справился так легко. Это Кайл понял с первого взгляда. Новый противник был на тридцать фунтов тяжелее, на пятнадцать лет опытнее и сложен, как настоящий боец. Он не стоял на месте, дожидаясь удара, а молниеносно наклонился и обхватил Принца руками. И вот, сцепившись, они уже катались по полу между столами и стульями.

Кайл и трое барменов устремились к ним. Приятель коротышки уже занес ногу, чтобы ударить Принца, но Кайл, подскочив сзади, аккуратной подсечкой уложил его на пол. Офицанты растащили дерущихся, и Кайл, схватив Принца в охапку и плотно прижимая к себе его разбитые руки, выволок наследника на улицу.

Принц был бледен, из ссадины на лбу по лицу текла кровь. Он смотрел на Кайла, стоящего рядом, и, судорожно двигая кадыком, пытался что-то сказать, но был в состоянии издавать лишь ругательства или рыдания.

— Убирайтесь отсюда оба, — сказал вышедший следом бармен. — И немедленно.

Из дверей выглядывали посетители.

— Мне убираться?! — переспросил Принц.

— Здесь тебе делать нечего, — огаятил бармен, — я все видел. Ты первый начал, ты во всем виноват. Пошевеливайтесь. — Он подтолкнул Принца, но тот не сдвинулся с места, вцепившись рукой в кожаную куртку Кайла.

— Кайл...

— Я сожалею, Господин, но ничем не могу помочь. Это ваше дело.

Принц рассматривал столпившихся вокруг людей, как будто это были доселе невиданные им существа.

— Нет... — сказал он.

Еще держась за полу телохранителя, Принц наткнулся на кобурку, висевшую у Кайла на поясе, и стремительно выдернул из нее пистолет.

— Отойдите, — его голос сорвался на визг. — Только попробуйте дотронуться до меня!

— Ну, ты, дерьмо... — отчетливо проговорил коротышка, — я знал, что у тебя кишка тонка.

— Заткнись! Не смей следовать за мной!

Прежде чем окончательно уйти, Принц остановился, вытер рукавом кровь, и на его перепачканном лице снова появилось высокомерное выражение.

— Свины, — сказал он. — Скоты.

Кайл последовал за ним, но оказался лицом к лицу с коротышкой. Глаза их встретились, и коротышка сумел угадать в Кайле профессионала.

— Не ходи за ним, — сказал телохранитель.

Соперник ничего не ответил, но ответа и не требовалось.

В КОНЮШНЕ был полумрак, и когда глаза Кайла начали различать предметы, он увидел, что Принц уже отяжал мерина и собирается вскочить в седло.

— Господин, — умоляющим голосом позвал Кайл. — Вы потеряли голову. Это может случиться с каждым. Не усугубляйте положения. Отдайте мне пистолет, Господин.

— Чтобы ты опять позволял каждому встречному избивать меня? — не оборачиваясь, сказал Принц.

— Господин, — сказал Кайл, — пожалуйста, ради вашего блага, отдайте мне пистолет.

— Убирайся вон, — отрезал Принц, взбираясь на коня, — или я всажу в тебя пулю.

Кайл грустно вздохнул. Шагнул вперед и тронул Принца за плечо.

— Повернитесь, Господин, — сказал он.

— Я предупреждал тебя! — воскликнул Принц. Он резко развернул свою лошадь, и в саете, пробивающемся сквозь дырявую крышу конюшни, сверкнул пистолет.

Быстро наклонившись, Кайл вытащил нож, спрятанный в сапоге. Его движение было слитным, стремительным и неожиданным. Нож вошел по рукоятку в грудь юноши. Это был короткий и милосердный удар. Лезвие, пройдя между ребрами, вошло в самое сердце. Принц был мертв еще до того, как его тело упало на протянутые руки Кайла.

Кайл привязал тело поперек седла, подобрал упавший пистолет и спрятал его в кобурку. Затем сел на жеребца и, держа одной рукой лошадь Принца за поводья, пустился в Сратный путь.



УЖЕ начало светать, когда Кайл добрался, наконец, до вершины холма, за которым находился охотничий домик, где он почти сутки назад впервые увидел Принца.

Высокая фигура, плохо различимая в предутреннем мареве, вырисовывалась в глубине двора. Это был наставник Монтлавен. Он подбежал к лошади и, рыдая, отяжывал тело.

— Я сожалею, — услышал телохранитель собственный голос и был поражен, как отстраненно и холодно он прозвучал. — Выбора не было.

Он замолчал. В дверях охотничьего домика появился другой человек. Увидев Кайла, он спустился по ступенькам и пошел к нему навстречу.

— Господин, — сказал Кайл.

Этот человек был очень похож на Принца, но только старше, и волосы у него были седыми. Этот человек не рыдал, как наставник, лицо его окаменело.

— Что случилось, Кайл! — спросил он.

— Господин, — ответил Кайл, — вы получите отчет завтра утром...

— Я хочу знать, — сказал высокий человек.

Горло Кайла сдавило.

— Господин, — хрипло сказал он, — у вас есть еще три сына. Один из них станет Императором, управляющим мирами.

— Что он сделал, кого он обидел, скажи мне! — голос высокого человека срывался так же, как голос его сына в баре.

— Ничего, никого, — сказал Кайл. — Он ударил слабого, он слишком много пил, возможно, у одной девушки из-за него будут неприятности. И ничего больше, — Кайл перевел дыхание. — Дождитесь завтра, Господин. Я принесу отчет.

— Нет, — высокий человек схватился за луку седла Кайла с такой силой, что жеребец не смог сдвинуться с места. — Наши семьи, твоя и моя, связаны более трехсот лет. Какой недостаток в моем сыне помешал ему пройти испытание здесь, на Земле? Я хочу знать.

— Господин, — медленно выговорил Кайл, — ваш сын был трусом.

Рука, сжимавшая луку седла, разжалась, и Император распростерся в пыли, как нищий.

Кайл тронул поводья и выехал за ворота в лес. Начинался рассвет.

Сидя на пригорке, Аристарх пытался вспомнить недавний сон, в то время как Крокен, размахивая сковородкой, гонялся за солнечным зеленым лучиком. Аристарх мимоходом подумал, что отдаваться такому пустяковому занятию всей душой можно только в юности, и ему стало грустно.

Луч тем временем остановился, немного помедлив, Крокен подsunул под него сковородку, выудил из вещмешка кусок жира, несколько квадратных яиц и — яичница готова.

Аристарх смотрел на солнце, ерзал, стараясь усесться поудобнее, снова и снова припоминал сон, мучавший его вот уже полдня, но память отказывалась повиноваться. От огорчения Аристарху захотелось есть, и он отправился на поиски гриба-грозовика. А когда нашел — присел на корточки и воткнул два пальца в белую мякоть. Раздался треск.

Насыщаясь электричеством, Аристарх замер, чувствуя, как окружающий мир смещается, он привычно увидел со стороны себя, кусты, увлеченно улетающего молодого кентавра...

Приятно холода и покалывая, энергия распространялась по телу, Аристарх закрыл глаза, что позволило рассмотреть долину полностью. Она была небольшая, продолговатая, километра полтора в длину, метров триста в ширину, ограниченная слева непроглядной стеной, справа — горными пиками, разрисованными ледниками и трещинами.

Тело слегка подрагивало, стало хорошо и покойно, и Аристарх подумал, что жить только для себя, пожалуй, стоящее дело. Это удивило, но одновременно и разозлило. Действительно, сколько можно вытирать чужие носы и мирить рассорившихся друзей, умирять врагов, помогать, помогать до бесконечности... Да еще эти дурацкие никому не нужные поиски...

Ведь в конце концов, не так уж и важно, вымрут все или приспособятся настолько, что не будут нуждаться в нем. Возможно также, он найдет, что ищет, но ничего не изменится, потому что принять решение — раз и навсегда — у него просто не хватает духу.

Гриб рассыпался в пыль, Аристарх поднял на ноги и, подтягивая мешковатые штаны, стал смотреть на приближающегося Крокена.

«Что может быть красивее скачущей лошади, танцующей жемчужины и чайного клипера под всеми парусами?» — вспомнилось вдруг.

Скачущий кентавр.

Недалеке от Аристарха Крокен встал на дыбы, взметнувшись ввысь почти на трехметровую высоту. Дико гикнув, взмахнул руками, словно пытался улететь, и легко-легко, даже чуть замедленно, опустил передние ноги на землю. Шагнул вперед и прижался мокрым, как собачий нос, лицом к бороде Аристарха.

— Пойдем?

— Да, пора, — Аристарх закинул на плечо рюкзак...

Остановившись возле дождевой стены так близко, что на лицо стали оседать водяные брызги,

ОСТАЮВЪАТТИ ЛЕОНИД ВШУТТИ КУДРЯВЦЕВ

Художник И. Кожевников

Крокен присвистнул и поскакал догонять собеседника, который уже скрылся в водопадах бушующего лианя.

Они шли по колена в липкой жиже, под ударами водяных струй, проваливались в ямы, долго барахтались и, окончательно выбиваясь из сил, все-таки добивались до твердого места, после чего мытарства начинались сызнова.

Продираясь сквозь топкую вечность грязевого океана, Аристарх пригасил сознание, всецело отдаваясь инстинкту, всегда выручавшему в подобных случаях.

Крокену приходилось хуже, но его спасало то, что он загода привязал себя к Аристарху веревкой, вовремя сообразив, что самое главное здесь — не таяться. Правда, силы его были на исходе: веревка, прежде свободно свисавшая, натянулась, и теперь Аристарх фактически тащил кентавра на буксире...

И вот настал момент, когда Аристарх почувствовал, что все, черта, он не знал, устал он или нет, но понял, что еще немного — и инстинкт может не сработать.

Впереди блеснуло. Нет, не граница дождевой полосы. Посредине разверзшихся хлябей цилиндрик света. Метра три в диаметре.

Разорвав занавес дождя, свет импровизированной лампы на мгновение осветил странников, и они, как подкошенные, рухнули на траву.

— Господи, как хорошо-то, — поставив кентавр, расчесывая пальцами слипшиеся от грязи волосы. От мокрой шерсти, торчавшей клоками на его теле, шел пар.

Поглядев на него, Аристарх скрипнул зубами.

«Зачем я потащил его с собой? — подумал он. — Ах, дурак. Поддался на уговоры, посчитал, что для малыша путешествие будет неплохим уроком. Хорош урок — захлебнуться грязью. А дождевая стена — только начало...»

АРИСТАРХ сорвал пучок травы. Вытер им лицо, спросил:

— Что, тяжело?

— Да нет, нет, ничего. Вот маленько отдышусь и дальше...

— Ну отдышись, отдышись...

Аристарх почувствовал острую жажду к большому и грузному существу — этому маленькому и нелепому ребенку-лошадке.

— Еще немножко — и придем. Долина, солнышко светит, хорошо, как у нас дома.

— А кто там живет, Аристарх? — медленно спросил Крокен.

— Там... О, брат, интересные создания: леший и автомат для продажи газированной воды... Им-то помощь вряд ли понадобится. А дальше...

Аристарх вздохнул и повернулся к кентавру.

— Знаешь, прошу на будущее, если заметишь что-нибудь странное, — говори мне. Ну... ход под землю или люк... Ладно?

— Странное? Что ж у нас странного?

— Да я так, — вовремя спохватился Аристарх. — Конечно, ничего такого у нас нет. Все как всегда.

Он усмехнулся, лег на бок, повернувшись к Крокену спиной.

Кентавр озадаченно смотрел в затылок провожатому некоторое время, но Аристарх, решив до поры до времени ни на что не реагировать, сделал вид, что дремлет, и сам не заметил, как заснул по-настоящему.

Миры разлетались, вдребезги, и пространство скручивалось штопором...

...А потом были ноги. Ноги сами по себе, без ничего. Упитанные ляжки, голени с короткими рыжеватыми волосиками... Ступни — да, они были всего необычной. С мозолистыми утолщениями у пяток, несколько сужающиеся к носку. И пальцы — пять розовых, как новорожденные, пальчиков, слегка, стружкой загибающихся кверху. Маленькие гляцевые ноготочки, аккуратно подстриженные и чистые. Когда отрывок сменился, и страшные челюсти готовы были вот-вот захлопнуться посередине туловища, он вдруг вспомнил, что это ноги — его собственные. Не то, что сейчас, а которые были давно, раньше...

Легкий толчок — и Нломаль, уже озабоченный противоестественным зеленым солнечным светом, стоит в центре большого, кем-то заполненного амфитеатра. Вещает, суетливо размахивая руками:

— С помощью ряда предпосылок... Отображение материи... Неизменность локальных законов... Трансцендентальные сущности...

Смрадное дыхание настигающего зверя. Разлет страусиных крыльев, разинутая акуля пасть.

— Вперед! Вперед! Главное — миновать этот отрезок, не сплоскаться, вот сейчас будет скол — и тогда...

— Вот именно, вечный круг, дурная бесконечность...

КОНЕЧНО. это был кошмарный сон. С продолжением — кошмарный явью. Они снова шли скеаном стихий, напоминавшим болото, и инстинкт, время от времени свераясь с сознанием, подсказывал дорогу. Окончательно Аристарх пришел в себя, когда путники выбрались на заросшее травой плато. Прямо перед ними, на металлическом пеньке, пустившем в землю корни антенн, сидел Леший и, методично расчесывая бородку, кротко вздыхал. Одет он был в новенькие, усеянные заклепками джинсы, с блестящими цепочками и наклейкой «Монтана» на колене. Улыбнувшись, Леший вытащил из кармана джинсов очки в золотой оправе и, желая получить разглядеть пришельцев, нацепил их на картофельобразный нос.

— Когда только успокоишься, Аристарх? Давно пора, — сказал Леший. — Взял бы да осел у нас в долине.

— Угу, здорово, — согласился Аристарх. — Но как быть с теми, кто живет не так хорошо, как вы?

— Конечно, вольному воля. Кстати, тут имя твое переделали. Агасфером называют.

— Ну Агасфер, так Агасфер, — Аристарх взглянул на Крокена, который улегся поодаль и, обнажив в улыбке длинные клыки, разглядывал Лешего.

— А это кто с тобой? Агасфер номер два? Смену готовишь? — насмешливо спросил Леший, указывая на свернувшегося кошачьим клубочком кентавра.

— Крокен. Кентавр, как видишь. Мир посмотреть и себя показать.

— Ну Крокен, так Крокен. Кентавр, так кентавр. Нас ничем не удивишь. Тут третьего дня полк мартышек с музыкой проходил, и артиллерию везли. А по бокам «особисты» с дубинками. И кто закурит — по рылу. Маскировка такая.

— Ну, да ладно, пойдем, там Газировщик ждался.

— Жив курилка? И ржавчина не съела?

— Окстись, друг любезный, Собственноручно чистойшей водой смазываю...

АРИСТАРХ и Леший пошли по прямой в глубь долины, а Крокен рванул и понесся кругами — сшибая листья с могучих яблонь и распугивая крохотные молодые тигркулстики.

Словно пылевая пелена затянула солнышко, окрашивая края огненного квадрата долины в тускло багровый цвет. Темнело. С тревогой поглядев на него, Аристарх спросил:

— Часто у вас бывают осадки?

— Порядочно. К тому идет, что опять, назерное, с неба валенки прелятятся... Видишь, края квадрата снова разгораются? А может, и пронесет... Вон неделю назад, представляешь, птеродактиль объявился. Пока из ротного миномета не обстреляли, хоть тресни — сидит чудюдо!

— Что же вы так, — посочувствовал птеродактилю Аристарх. — Ведь тварь божья. Жить хочет, небось...

— Да, — Леший пожал плечами. — Больно пакостно кричала твоя божья тварь. И запах тяжелый. А уж почаякать — дай бог.

— И куда она теперь?..

— Куда? Куда-нибудь... Ты не беспокойся... Он из этих... приспособится...

Крокен выскочил из-за ближайших кустов, разнес в труху полавшийся под копыто гнилой пеня и, легко отталкиваясь от земли самыми кончиками копыт, высоко подпрыгивая в тех местах, где сила гравитации была меньше, обрушился на группу хиленьких кустов и стал их безжалостно утюжить. Через минуту они превратились в кучу изломанных прутьев, и довольный кентавр принялся от избытка чувств выкрикивать последний городской шлягер:

Душка, в небе небес синем
 пролетая,
Не забудь, мой милый, каску
 одевать,
Ведь от звезд голову каской
 прикрывая,
Можно каракатиц с неба собирать.
Вдруг в кустах капусты встреча
 бегемота,
В дом свой пятистенный зверя
 не пускай:
Он лягушек любит и мостить
 болота,
Он жироподобный, в общем —
 негодяй...

Если, милый мальчик,
Ты удержишь квоту —
Уловить сумеешь ложною луной,
Вечером под утро я приду
 в субботу,
Я явлюсь с поличным — и
 не обману,
И тогда увидишь ты галактик туши,

Загрэбешь копытом солнечный
 эфир,

И свои любимые пальмовые уши
В свяжий неразбавленный
 обманешь кефир...

При последних словах Крокен так продал шмыгнувший мимо тигрокуст, что тот отлетел метров на десять, успев все же выпустить обланко черного дыма, которое, оформившись в некоторое подобие физирномии с вытянутыми паверблюжьими губами, отхаркалось прожеванными семечками и пропело: «Что, с маленьким справился, да? И обругав Крокена балбесом, тупицей, рыжим тараканом, петухом Гамбургским, плевком цивилизации и осколком унитаза, медленно растаяло.

ЗАРОСЛИ карликовых секвой кончились, и компания вышла на трехугольную полянку, разделенную по биссектрисе шустрым отрезком ручейка для продажи газированной воды.

Обыкновенная, сверкающая хромированными уголками и цветным стеклом жестяная коробка. В нише — чистый стакан. Выше — надписи: «Газированная вода — без сиропа — одна копейка», «Газированная вода с лимонным сиропом — три копейки».

И так легко было покориться иллюзии, что вернулся навсегда исчезающий мир... Но в следующее мгновение автомат скривил нишу и, подогнув коретские металлические ножки, быстро-быстро засеменял им навстречу, радостно восклицая:

— Аристарх! С молодым человеком! Я ведь как чувствовал, честное слово! Вчера два десятка моркусов закопал. Сейчас быстренько чего-нибудь сварганим. Эй, Лешак, волоки моркусы, пировать будем!

Леший исчез за деревьями. Оттуда послышался скрежет танковых гусениц, и газировщик с натурой загудел... Ближайший пенек треснул, словно крыльцо майского жука, половинки раздвинулись, и на свет божий появился краб-акселерат.

Вращая стебельковыми глазами и припадая на правый бок, где не хватало одной лапки, засунул бронированные клешни в середину пня и вытаскивал оттуда накрахмаленную скатерть. Вскоре в дополнение к розоватым кружевцам скатерть украсилась свертками с бутербродами, аккуратно нарезанный колбасой на жестяной тарелочке, связкой баранок, банкой консервированного перца, палкой колбасного сыра и еще какими-то плочками, мисочками, доханками, доверху заполненными неизвестно чем. Прodelьвалось все это быстро, сновисто, с повторением на манер треснувшей пластинки «в любой неурочный час готовы обслужить вас». Покончив с обязанностями официанта, краб пробормотал «чтоб вы сошли» и скрылся в трещине. Пень с грохотом захлопнулся.

— Ну вот и ладненько, — пропел Газировщик. — Подзакусим...

Крокен только этого и дождался. Он грохнулся возле скатерти и, ухватив сверток потолка, в полную силу опьячился на его содержимое.

АРИСТАРХ сел степенно, сначала сняв с головы шляпу и пригладив длинные седые волосы. Он вытащил из сапога деревянную ложку и зачерпнул что-то желеобразное из ближайшей мисочки.

— Что, брат, это тебе не электричество? — спросил Газировщик.

— Электричество — электричеством, а настоящая еда — это сила, — пробормотал Аристарх.

Из-за деревьев показался Леший. Гусеница, ростом с лошадь, катила за ним тележку на резиноном ходу, заполненную грушевидными предметами. Очевидно, это и были моркусы.

— А это как? — спросил Крокен, взяв в руки один из моркусов и внимательно его рассматривая.

— А просто! — и Леший отломил у моркуса верхушку.

Аристарх некоторое время смотрел, как он пьет, а потом отломил верхушку у своего моркуса. Жидкость показалась ему холодной, но через мгновение он повернулся, почувствовав, что это почти кипятком. Пришлось пить осторожно, маленькими глоточками. И вдруг ему стало хорошо.

Нет, это совсем не походило на опьянение. Просто зрение Аристарха словно сосредоточилось на самом элементарном, но замеченном прежде в нелепой погоне за нелепыми целями. Он видел, как левая рука Крокена, та самая, на которой ногой большого пальца был сломан, подносит ко рту моркус и на реденькую бородку кентавра капает жидкость молочного цвета.

По правой штанине великолепных джинсов Лешего стекает моркусный сок, а передняя дверца Газировщика распахнута, из баке для сиропа ныряют маленькие зеленые человечки.

Нормальный и упорядоченный мир. И Аристарх подумал, что призыв к нему, почти забыл, не хочет вспоминать о другом мире, давно и безвозвратно потерянном, странном и нелепом... По установившейся привычке он попытался вновь припомнить давнишний сон и вдруг понял, что это ему не интересно. Последнее время мысли о бесцельности его поисков все чаще тревожили Аристарха, но в дороге, при движении он старался отгонять их, не давать им ходу. Мысли отступали, но, как видно, не уходили совсем, таясь в подсознании, словно ждали момента, чтобы навалиться с ношей силой.

Газировщик, затаившись моркусом, сказал:

— Да, а ведь раньше все было иначе. И моркусы — хорошая вещь, но было что-то, и уже не вспомнишь...

Крокен встрепенулся и спросил:

— Раньше? А что было раньше?

— Не обращай внимания, мой мальчик, — сказал Газировщик. — Раньше все было по-другому, но ты этого не видел. Ты родился уже в этом мире... Как должно быть здорово — ничего не помнить. Ведь самое жуткое в этих воспоминаниях то, что они, как сны: никогда не помнишь всего, а только часть. И не уверен, правильно ли... Воспоминания — словно ошупывание слона в тумане. Я держусь за хобот, а он — за

ногу, а ты — за хвост. И вместе мы не можем угадать, что это такое? Одновременно змея, кусок бечевки и дориевская колонна... Поэтому сподручно решать этот вопрос в одиночку... Меньше шансов ошибиться...

ЛЕШИЙ с хрустом прожевал капустный лист и, утвердительно кивнув головой, сказал:

— Плюнь... Есть такие вещи, которые не знать — легче дышится. И будущее не такое жалкое.

— Но-но, — не выдержал Аристарх. — Давай-ка о другом. Вы мне мальчика испортите. Нам еще идти.

— Да и идти, — плаксиво сказал Газировщик. — И я бы пошел с вами куда глаза глядят. Искать твою бетонную плешку, цветок черного мака, священную чашу Граэль, черта лысого в ступе! Аристарху стало страшно.

Что они делают? Для чего травят парня? Как он будет жить, когда узнает хоть часть того, чего, Леший прав, лучше бы не знать вовсе.

— Газировщик, тебе привет от Дракоши, — сообщил Аристарх.

— Да? — удивился Газировщик. — Так она еще жива? Ну, и как себя чувствует?

— Ничего. Только радикулит донимает. Да клик мудрости сломала. А так все в норме. Вот какого молодца вырастила, — Аристарх показал на Крокена.

Тот попытался встать и раскланяться, но копыта разъезжались, и он только приподнялся, выпрямившись, стукнул себя кулаком в грудь. Тревожный зуммер «SOSa» проплыл над поляной. А Газировщик знай себе вспоминал:

— Да, брат, Дракоша. И как вспомнишь ранние времена... как мы с ней гуляли... как же она... По Бродвею. Да-да, «прошвырнуться по Бродвею».

Леший резко отбросил ложку, вскопчил и застрекотал, как магнитофон:

— Да, и кино еще было. Жизнь показывали. И эту, любовь. И все красивые — спасу нет. Женщины. Они ведь — женщины, и влюблялись. То в одного, то в другого. А первый, ясное дело, мучается. Надоест — возьмет пистолет и хлоп-соперника. А то: ее и соперника. А если кино уж совсем интересное, то в конце и себя. Ну, это уже в конце. Да и не каждый, ясное дело, жить-то хочет.

Старик не на шутку раскошегарился.

Крокен слушал и боялся продохнуть. Один Аристарх сидел злой, как два птеродактиля, и продолжал клясть себя.

Дурак. Ведь отлично знал, как все будет. Старых друзей, называется, проведет. М-да... И бросить-то Крокена нельзя. Дракоше слово дал. Теперь трясишь за него всю дорогу. И что это будет за дорога? Страшно даже представить. До печенок расспросами замучает, куда не надо соваться будет. И наравится...

Голос Крокена звучал громко и вызывающе, было видно, что парня зацепило, и теперь он не отстанет.

— Нет, рассказы, рассказы про раньше! Как все было? — Кентавр весь подался вперед, и глаза его светились лихорадочным любопытством, а руки чи-

сто машинально крошили булку. От напряжения он вспотел и облизывал губы раздвоенным языком.

Не так уж он глуп, этот Крокен. Видимо, догадался, что имеет единственную возможность хоть что-то узнать. И упустить ее не собирается.

АРИСТАРХ ждал, что ответят Газировщик и Леший, и не знал, как будет реагировать на их слова. Он успел свыкнуться с новой реальностью, почувствовать себя нужным в необычном, подвижном мире, гораздо более нужным, чем в те, давние времена... И все не хотел признаться, что поиски давно стали самоцелью и не имели теперь ничего общего с той, одушевляющей его когда-то идеей... Да, изначально странствования имели совершенно другой смысл, и он хотел...

Газировщик закашлялся. Внутри у него, словно подмигнув, зажглась и погасла зеленая лампочка.

— Видишь ли, — сказал Газировщик. — Сначала был удивительно статичный мир, полено оставалось поленом и не испытывало потребности неожиданно прерваться в телевизор. И мыслящие...

— Мыслящие?

— Они изменились и теперь живут среди нас. Мы все бывшие мыслящие. И в том мире были абсолютно одинаковы и назывались очень странно: что-то похожее на «лутти» и «щеловеки».

— А что с ним случилось, со статичным миром?

— Трудно сказать. Есть всякие предположения... Вот, например, если...

— Э, завел шарманку, — втиснулся в разговор Леший. — Если бы да кабы, так во рту бы выросли грибы — и был бы не рот, а огород. Раньше были веселые денки, но скажу не хуже, что и теперь не хуже.

Он раскурил моркуса и сунул Крокену в руку. Действуя как автомат, открыл головку у следующего, высоко поднял и сказал:

— Прошлое! Будь оно неладно...

Все стали пить моркусный сок. А потом Леший поймал Крокена за гриву и, пригнув его голову к себе, стал рассказывать, как ходил в черный замок.

— Представляешь — захожу. А там, вот провалиться, тридцатиметровые потолки... А у хозяйки нос — добрых два метра. Берет она этим носом моркус и начинает открывать...

— Допустим, что главная часть чело- века находится в четвертом — или в каком угодно измерении. И вот положение меняется: что-то происходит. Для обитателей трехмерного мира их реальность исчезает, и появляются грибы, газировщики, кентавры... Есть другое объяснение... — из приоткрытой дверцы Газировщика нескончаемой лентой тянулись маленькие человечки, полужелтые от сиропа, и шли освежаться к ручью.

СТЕНА тумана. Она колыхалась, ясно отмечая границы своих владений. Из тумана доносились далекие звуки: настоящие заунывные стоны и тоскливый протяжный вой...

— А что там, за туманом? — спросил Крокен.

— За туманом? — Аристарх почесал бороду. — Точно такая же долина, и в ней живет трехголовый грифон с семейством. Боюсь, что оно еще увеличилось... Они постоянно спорятся. Надо же кому-то их мирить. Придется попотеть.

— А дальше?

— Дальше? Дальше идет полоса снежной пурги. Будет зверски холодно, но она не широкая. За ней долина, где живет шестимерный паук. То есть, вроде бы их много — сотни. Но на самом деле он один. Представляешь, что будет, если у одного заболит лапка? Все остальные завоют от боли. Кошмар. Так что, там будет еще хуже.

А потом полоса болот, новая долина и еще кто-то, кому мы нужны. И еще и еще. И везде мы нужны. Забот хватит.

Крокен вздохнул и стал осматривать свои копыта. На одном вылетела пара гвоздей, но подкова еще держалась. Осторожно дошевелив ее, кентавр спросил:

— А как ты думаешь, что случилось в самом деле со старым миром?

Аристарх вздохнул и подумал, что теперь уже можно рассказать действительно все, что он знал.

— Это снова одни догадки, но догадки, за которыми, возможно, кроется правда. Достоверно никто не знает, что произошло с миром. Но жизнь можно повернуть назад. Стоит только найти цементный квадрат с железным люком. Что бы там ни было, но в нем раскрытие тайны. Нужно искать люк. Этим я занимаюсь уже двадцать лет.

— Откуда ты знаешь об этом, Аристарх?

— Давным-давно, когда моя память была отчетливей и я лучше помнил исчезнувший мир, то в фиолетовом слоне

с собачьей головой узнал того, кто, как мне казалось, имел отношение к цементному квадрату и люку.

— Какое?

— Не помню. Сон про слона, люк, квадрат я вижу каждую ночь, ясно и просто, как тебя или Лешего с Газирозщиком, но стоит открыть глаза — и снова туман, обрывки воспоминаний, океан грязи...

Крокен помолчал, а потом вновь спросил:

— А почему ты не расскажешь это остальные?

Слон в тумане... Бесполезно. У каждого своя идея...

Неожиданно Крокен сел.

— Аристарх, а ты помнишь, как мы выглядели в статичном мире?

— Помню, — сказал Аристарх и тоже сел. — Леший был... ну... что-то невероятно сложное, понятное только узким специалистам. Звали его Нломаль. А газирозщик был простым дворником в том учреждении, где работал Нломаль.

— А моя мама, Дракоша?

— Ну что же, — Аристарх прищурился. — Это была стройная черноволосая девушка. Мы жили с ней на одной площадке и каждое утро здоровались.

— А что такое институт, площадка, девушка?

— Узнаешь как-нибудь потом. Долго объяснять. А нам пора в путь.

— Хорошо. Только скажи мне: кто мой отец? Я про него ничего не слышал, но ведь где-то он должен быть?

— Должен, обязательно должен. Мы его скоро увидим. Это шестимерный паук, про которого я тебе рассказывал.

— Правда?

— Да.

Крокен словно выключился, ушел в себя. Обхватил ладонями колени, замер и думал, думал, думал...

ДУМАЛ и Аристарх. О том, что у него появился помощник и можно вести более усиленные поиски.

Он смотрел, как колышется, сплетается в огромные ватные комки туман, и сознавал, что боится продолжать поиски.

Ведь если даже он найдет квадрат с люком, сделает что нужно, и все пойдет по-старому, то хорошо или плохо это будет. Возврат к статичному миру принесет с собой загрязнение окружающей среды, истребление фауны и флоры, перенаселение, войны...

А если все оставить как есть — не деградируем ли мы? Ведь разум — продукт статичного мира. Здесь можно обойтись и без него. ...А как же те, кто страдает от своего облика и мечтает вернуться в человеческий? А новое поколение, которое появилось уже в этом мире? Он для них родной...

Вновь вспомнились они, старые, давно изжитые сомнения. Он не искал, делал вид, что занимался поисками, успокаивая себя, мол, все образуется, решится само собой... Ничего не решится. А сейчас этот кентавр, Крокен... Что сказать ему, к чему его вести?

Было ясно, что только сейчас и никогда больше, он должен раз и навсегда решить для себя этот вопрос.

Когда он найдет, что ищет, решить все это бесспорно будет уже невозможно. Появится грузик, который выведет чашу весов из равновесия. И грузиком этим будет люк, который можно будет, не задумываясь даже, открыть...

Из тумана раздались выстрелы и смолкли. По небуплыли серебристые, в желтую полоску, облака.

— Ну что, идем? — спросил Крокен.

— Идем, — сказал Аристарх, но с места не сдвинулся. Сидел, рассеянно ковыряя землю пальцем, и смотрел в туман. Прежде чем идти, надо было додумать. Додумать и решить...



Генри Слезар

ВОРИШКА

Из серии «Любимые рассказы А. Хичкока»

В ЛЮБОЙ тирании есть хорошее качество: она спланирует тех, кто становится ее жертвой. В конторе «Штемпул Глоу Компани» наблюдалась внутривидовая разновидность этого феномена. Служащие были едины в своей ненависти к Ральфу Штемпулу, президенту и владельцу фирмы. Штемпул, вероятно, догадывался, но это его ни в малейшей степени не волновало. За пятьдесят лет своей жизни, тридцать из которых были связаны с производством перчаток, он усвоил одно золотое правило: бей соперника первым, пока тот не ударил тебя.

То утро, в которое обнаружилась пропажа, начиналось довольно неплохо. Пешком Штемпул преодолел шесть кварталов, что отделяли квартиру от конторы, и январский морозец нарисовал ласковый румянец на его морщинистых щеках. За завтраком он был очень любезен со своей женой, а на работе крайне вежливо поговорил с секретаршей, принесшей ему утреннюю корреспонденцию. Даже Блекбурн, который всегда действовал ему на нервы своим жеманством, на этот раз вызвал лишь легкую улыбку, когда тот появился в святая святых президента. Но его улыбка была недолгой.

— Просто не могу себе этого представить, мистер Штемпул, — запричитал Блекбурн. — Мы затребовали модель № 205, и фабрика выслала дюжину пар в качестве образца, но теперь у нас осталось только одиннадцать... И это не первая пропажа, — тут по лицу управляющего пробежала нервная дрожь, — похоже на то, что у нас заела ворихшка.

Штемпул тяжело задышал:

— Вы хотите сказать, что меня обкрадывают? На моем собственном предприятии?

— Ну конечно, ведь пару перчаток легко вынести в кармане пальто или портфеле.

Президент поднялся, в своем гневе он напоминал Юпитера.

— Никто, Блекбурн, не смеет так поступать со мной! Слышите, никто! Я требую, чтобы вы сегодня же нашли мошенника!

— Я? — Блекбурн дрожал всем телом. — Но почему именно я? Я не знаю, как надо действовать в подобных случаях!

— Вам известно, сколько перчаток пропало?

— Шесть или семь пар.

— А вы уверены, что все остальное лежит на месте? Писчая бумага, скрепки, наконец, мои сигары! — Он откинул крышку бюро. — Я сам займусь этим делом.

И ЗЛЮБЛЕННЫЙ метод Штемпула — брать быка за рога — никогда не давал осечки. Он вызвал частного детектива и ввел его в курс дела. Сэмпл, коренастый человек маленького роста, привыкший к тревожным тиранам ограбленных богачей, слушал тем не менее внимательно.

— Насколько все это серьезно, мистер Штемпул? — поинтересовался он. — Тут прозвучало, что стоимость пропавших перчаток составляет не более десяти-пятнадцати долларов. Это действительно так?

— Для меня это дело принципа, — отрезал Штемпул. — Никто не может безнаказанно обкрадывать меня. Особенно из тех, кому я плачу зарплату!

— Вы подозреваете кого-нибудь?

— Красть может каждый, — взревел Штемпул. — Даже моя собственная секретарша. Или, скажем, мальчишка-попильный. А может быть, этот шалопай Фред Коттер.

— Кто?

— Коттер, мой помощник. Молодой человек, холостой, с кучей подружек. Возможно, они-то и щеголяют в украденных моих перчатках. Я его совершенно не перевариваю.

— Зачем тогда держите у себя?

— Он хорошо разбирается в своем деле, — смиренно ответил Штемпул. — Он вообще — один из лучших специалистов, вот только если бы еще побольше занимался работой. Половину дня Коттер вечно проводит где-то вне конторы, а потом заявляет, что ходил «изучать опыт». Но меня-то не проведешь. Нисколько не удивлюсь, если он и окажется вором.

— Не надо никого заранее обвинять, — благоразумно возразил Сэмпл. — Лучше всего поймать вора в ловушку.

— В ловушку?

— Подобный метод я неоднократно применял в интересах некоторых крупнейших фирм страны, и всегда успешно. Суть его заключается в том, что преступник должен «запятнать себя», — детектив захихикал и выразительно посмотрел на сигарету Штемпула.

— Что мы должны делать?

— Ничего сложного. В назначенное время я принесу мелкий светящийся порошок с особыми свойствами. Мы обработаем им коробки с перчатками, которые расставим по всей конторе в стратегически важных, или иначе говоря, наиболее соблазнительных для вора местах. И когда мы убеждаемся, что кража вновь произошла, с полной уверенностью начинаем проводить расследование.

— Каким образом?

— В момент кражи порошок попадает на пальцы похитителя, но видимым он становится только в полной темноте. Кроме того, его нельзя смыть никакими средствами. Ворихшка будет постоянно носить с собой доказательства своей вины.

— Ага, понимаю, — захихикал Штемпул, — потом мне нужно будет собрать всю эту банду в каком-нибудь темном помещении и высмотреть, у кого будут светиться руки. — Его глаза заблестели, и, весьма довольный, он откинулся назад в своем вращающемся кресле. — Гениальная идея, Сэмпл. Когда мы сможем ее осуществить?

— Если вы согласны, все будет готово сегодня вечером.

— Подождите минуточку, — Штемпул снял с рычага телефонную трубку — Блекбурн? Кто-нибудь отпрашивался с работы на завтра?

— Нет, сэр.

— Вы уверены в этом? Фред Коттер и другие, все на месте?

Выслушав ответ, он довольно подмигнул детективу и протянул ему одну из своих сигар.

В тот же вечер, когда контора опустела, Штемпул и детектив принялись за дело. Пока Сэмпл обрабатывал картонные коробки с перчатками белым порошком, президент превращал в ловушку шкатулку с сигарами. Дома Штемпул в подробностях рассказал жене, какую хитрую западню он устроил для похитителя. Никогда прежде ей не доводилось видеть мужа в таком радостном возбуждении.

Н А следующий день все сотрудники были вызваны в личный кабинет Штемпула. Сам он обосновался за закрытой дверью и время от времени требовал от Блекбурана подтверждения, что собрался весь персонал. За исключением секретарши, выполнявшей поручение шефа за пределами здания, коменданта здания, мучившегося зубной болью, и Фреда Коттера, который на протяжении уже двух часов «изучал опыт», коллектив явился в полном составе.

До четырех часов пополудни в Штемпуле рос страх — а вдруг в этот день вор решил продемонстрировать свою честность, и тогда весь план летел к черту. Его ничуть не привлекала перспектива сидеть в засаде до поздней ночи.

Позвонил Блекбурн.

— Мистер Штемпул? Я проверил коробку с образцами, что стояла возле бухгалтерии. Снова пропажа.

— Вы абсолютно уверены? — спросил Штемпул и вытащил изо рта сигару.

- Пересчитали несколько раз, сэр.
- Штемпул ударил кулаком по столу.
- И все сотрудники на месте?
- Да, сэр. Мистер Коттер вернулся полчаса назад.
- Собрались абсолютно все.
- Через пять-десять минут все должны пройти в большой конференц-зал. Безо всяких исключений. Я требую стопроцентной явки!
- Будет выполнено, сэр!

ШТЕМПУЛ с трудом сдерживал себя; ни одна сделка, сколь значительную прибыль она бы не сулила, не волновала его до такой степени. К этому моменту он уже забыл про Сэмпла и считал ловушку для вора только своей заслугой.

С угрюмыми лицами служащие стекались в огромный зал, лишенный окон. Обычно общие собрания проводились для того, чтобы дать всем нагоняй. Только из угла, где сидели секретарши, раздавались смешки, да еще на лице Фреда Коттера, не спеша бредущего по залу в одной рубашке, блуждала усмешка.

Штемпул прошел к председательскому месту.

— Прошу внимания, — сухо произнес он, и сразу же прекратились шорохи и покашливания. — Я позвал вас сюда для того, чтобы провести небольшой эксперимент. Хочу, чтобы все вы оставались на своих местах и только повернули руки. Вот так, — он протянул вперед обе руки ладонями вверх.

Послышались возгласы удивления, явственно ощущалось легкое замешательство.

— Чего вы еще ждете?

Все дружно протянули руки.

— Выключите свет, мистер Блекбурн, — распорядился президент.

Блекбурн торопливо подбежал к выключателю и повернул его. Зал погрузился во тьму, и воцарилась тишина, лишь изредка прерываемая отдельными нервными покашливаниями.

— Мистер Штемпул!

Это был голос Блекбурна. Штемпул посмотрел в ту сторону, и его грудь тотчас же переполнило чувство триумфа, которое чуть было не расстегнуло пуговицы на рубашке. В дальнем углу зала виднелась пара явно светящихся рук.

— Свет! Включите свет! — в волнении вскричал Штемпул после того, как пробился сквозь толпу и охватил преступника за ладонь.

Фред Коттер непонимающе уставился на шефа.

— Так это оказались вы! — торжествующе произнес Штемпул. — Так я и знал. Но нет, вам больше не удастся безнаказанно обкрадывать меня...

— О чем вы говорите?

— Вы обокрали меня! Обокрали фирму! Будете это отрицать?

Коттер покраснел.

— Ну да, я взял несколько пар перчаток. Но я никак не думал...

— Да бросьте вы. Никто не может взять у меня что-либо без разрешения. Глупо говорить, мистер Коттер, что вы этого не знали. Сегодня же вечером вы должны освободить свой письменный стол...

ОСТАТОК вечера Штемпул провел в своем кабинете, заканчивая работу, которую не успел сделать в течение дня, а потом решил пойти в свой клуб. Когда он вернулся домой, было уже за полночь, жена готовилась отойти ко сну.

— Ты так долго работал сегодня, мой дорогой, — заметила она, надевая ночную рубашку. — Как прошел твой эксперимент?

— Прекрасно, — захихикал Штемпул. — И знаешь, кто оказался вором? Этот шалопай Фред Коттер!

— Коттер? Твой помощник!

— Именно он. Ты ведь познакомилась с ним недавно на приеме по случаю Рождества! Такой парень, с вечной ухмылкой на физиономии. Но сегодня я стер улыбку с его лица. Я показал ему, что бывает с теми, кто наносит мне урон!

С довольной усмешкой он плюхнулся на кровать и выключил ночник. А когда он повернулся на другой бок, то увидел светящийся отпечаток руки на обнаженном плече своей дорогой супруги.

СОДЕРЖАНИЕ

Бредущие	1
Сергей Сюрсин	
Разговор	14
Дмитрий Кедрин	
Трагедия в отеле	15
Агата Кристи	
Называйте его Господин	21
Гордон Диксон	
Остановка в пути	27
Леонид Кудрявцев	
Ворюшка	31
Генри Слезар	

Издание подготовлено кооперативом «Свиток» при Средне-Уральском книжном издательстве и журнале «Уральский следопыт».

Над восьмым выпуском «ПиФа» работали: И. Кузовлев, М. Пудовкин, С. Казанцев, С. Гаврилова, И. Любарский, Л. Иокитулшо, О. Нагибина, М. Козловский, О. Аржанников, Г. Ходжаев.

Ответственный за выпуск С. Мешавкин.

Лиф. Приключения и фантастика: сб. остросюжетных рассказов. Сборник содержит приключенческие, фантастические рассказы и публицистические материалы советских и зарубежных авторов.



Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1990 — 32 с.
Печать высокая. Усл. печ. л. 4,0. Уч.-изд. л. 4,42.
Зак. № 853. Тираж 110000 экз. Цена 70 коп.
Подписано к печати 23.05.90. НС 14119.

Средне-Уральское книжное издательство и журнал «Уральский следопыт». Типография изд-ва «Военный железнодорожник».

Наш адрес: ул. Декабристов, 67.

☎ 22-10-74

Объявление

СРОЧНЫЙ РЕМОНТ И НАСТРОЙКУ ЦВЕТНЫХ ТЕЛЕВИЗОРОВ, ПОСЛЕДУЮЩИЙ КОНТРОЛЬ ЗА ИХ РАБОТОЙ ВАМ ОБЕСПЕЧАТ КВАЛИФИЦИРОВАННЫЕ МАСТЕРА, ЕСЛИ ВЫ ПОЗВОНИТЕ ПО ТЕЛЕФОНУ: 52-29-08 (С 8.00 ДО 20.00). КАЧЕСТВО ГАРАНТИРУЕТСЯ.